

Арина Бугровская

Не обожгись цветком папоротника

18+

Арина Бугровская

Не обожгись цветком папоротника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238899

SelfPub; 2024

Аннотация

Красавица Агния с детства поняла, что такая унылая и серая жизнь, как у её матери, ей не по нраву и обратила взор в сторону своей прабабки – деревенской ведьмы. Иметь власть над людьми, легко получить то, что другим недоступно, в центр жизни поставить себя и свои желания. А что нужно отдать взамен? Сущие пустяки, казалось девушке. Но она ошибалась.

Содержание

ЧАСТЬ 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

114

Арина Бугровская

Не обожгись цветком папоротника

Лёгкое, нежно-оранжевое солнце поднималось над горизонтом, неся в мир свет и краски. Первым делом оно щедро брызнуло на распавшиеся облака, и они, с обожжёнными розовыми боками нехотя поползли в сторону, открывая зелёные просторы.

Не счесть, сколько раз вставало оранжевое светило над этим местом и наблюдало, чаще, медленные, иногда стремительные, его изменения.

Оно помнило, как рождалась эта, сейчас уже многоводная, река. И теперь бросило в её прозрачную рябь щедрые горсти золотых искр. А этот бескрайний лес. Казалось, что он тут обосновался испокон веков, но было время, и здесь был совсем другой пейзаж. На этом месте, как и на любом другом, земной наряд менялся много раз. А сколько загадочных существ бродили по едва заметным тропам. Где они сейчас? Растаяли, как дым.

Пройдут тысячи и тысячи лет, и случайный наблюдатель, который может существовать только в теории, не узнает этого места, из-за преображений сотворённых временем. Но сила нашего воображения, пусть ненадолго, отнесёт нас в те

края, почти на тысячелетие в прошлое, и познакомит нас с местными обитателями – нашими прапрапрародственниками...

ЧАСТЬ 1

1

Петух разорался как раз под окнами дочерей. Домна отодвигала одну за другой заслонки волоковых окон, стараясь делать это без лишнего шума, но с каждым открывшемся отверстием в горницу врывались вместе с солнечными лучами и вопли куриного предводителя. Дочкам, конечно, пора просыпаться, но не под такими пронзительными криками. Женщина выглянула в самый широкий проём и шикнула на петуха. Тот с неохотой отошёл. Замолчал. Домна тут же пожалела, что его прогнала. Всё-таки, он кричит не просто так, прогоняет нечистую силу, что подступила за ночь к дому со всех сторон. А окна – самое уязвимое место в доме, тут необходима максимальная защита. Женщина поспешно стала шептать нужные слова.

Домна была уже в том возрасте, когда лицо отражало её внутреннюю сущность: мать и хозяйка, добрая, заботливая и серьёзная, а выражение глаз говорило о мягком, снисходительном нраве.

Яркие краски заоконной весны задержали взгляд женщины лишь на несколько мгновений. Вид из окна был потря-

сающий. Но Домна привыкла видеть широкую полноводную Русу и зелёные дали на другом её берегу. «Вот и Живин день подходит, — вспомнила она, — кажется совсем недавно завывали вьюги, а теперь лето на носу. Сегодня народ всю ночь будет прославлять дочь Лады. Вот только разрешит ли Ивар погулять с соседями? Птиц держит в клетке, наверное, для нынешнего праздника. Разрешит, небось. Что ж тут такого?» Она поискала в окне глазами мужа и сына. Нашла. Каждый занимается во дворе своим делом, как и положено.

Женщина отошла от оконного проёма, давая возможность солнцу заглянуть в их жилище, и вновь губы её прошептали заветные слова.

В последнее время муж стал с неодобрением относиться к её заговорам, которые сложились издревле и которым, как водится, научила её матушка и бабушка. Но прямого запрета не было. К тому же Домна и сама замечала, что муж не вовсе отказался от верований предков. Привычно вздохнула. Где ей, женщине во всём разобраться. Её удел — дети и хозяйство.

Взглянула на дочерей. Спят ещё, девичий сон крепок. Старшая Василиса хмурит тёмные брови. И во сне, видать, чем-то недовольна. И в кого такая уродилась? Ей вдоль, она — поперёк. Уж замуж давно пора, но после Еремея ни на кого не хочет смотреть. От таких пригожих парней нос воротит. А уж в том возрасте, когда пора задуматься, как бы не пришлось слёзы лить и жаловаться на недолю.

Подошла к пряслицам дочерей. Вот и работа Василисы

не очень аккуратная. Такие нити годятся лишь для грубой ткани. Ох, по всему видно, что не лежит душа девки к женской долюшке. С детства такая. Дедова забава. Сыночки старшие не выжили, вот и прикипел дед к Василисе. Сызмальства к охоте приспособил. Годочков пять ей было, поди, как принесла из леса первого зайца.

А как дед погиб, с медведем не совладал, так девка и неласковая стала. Тогда многое переменилось. Свекровь на погребальном костре смерть добровольную приняла. Да не добровольной она оказалась. Кричала долго и протяжно, сына Ивара молила о помощи. Слышала её Домна, несмотря на громкие погребальные пения и веселье, слышал и муж, не смогли заглушить их удары палицами по щитам, которыми мужчины словно пытались укрыть проявление бесчестия их рода.

Тяжело переживал тогда Ивар, посидела головушка за ночь. А на утро пошёл к батюшке Прокопию, долго не возвращался. А когда вернулся, собрал всю семью и пошли они веру новую принимать. Был Ивар, стал – Иван. Хотя, все его продолжили звать прежним именем.

Робкий солнечный лучик всё же добрался до средней дочери – Ярины и сейчас щекотал её длинные тёмные ресницы. Ладная девка получилась. Брови тёмные как у сестры, а лицом тоньше, нежнее. Годочков восемь ей, кажись, было, как посватался первый жених. С тех пор нет покою ни отцу, ни матери, боятся одну за водой отпускать, как бы насильно

какой жених не умыкнул. Рано ей ещё. Да и батюшка Прокопий против ранних браков. А Ивар к нему крепко прислушивается. Чай забыл, что сама же Домна на годок всего постарше была, когда выдали её замуж. А Ивару ещё меньше. Но ничего, не хуже других живут.

– Вставайте, донюшки, утро пришло.

На одном из сундуков шуба зашевелилась, и из неё выглянула белёсая головка меньшей дочери Тиши.

– Здравствуй, матушка!

– Здравствуй, милая. А ты никак опять здесь спала?

– Матушка, уприси батюшку, чтобы я здесь жила с сестрицами. Я уже большая.

Сонная Тиша подошла к Домне и по-детски прижалась к матери, обняв её за шею.

– Ладно, поговорю.

Горница, которая раньше часто пустовала из-за ненадобности, полюбила подрастающим дочерям, сюда перенесли они свои работы, здесь стали и ночевать. Ивар позаботился о том, чтобы в горнице было тепло, Домна с дочерьми побелили стены, вычистили, выскоблили пол. Три волоковых окна давали достаточное количество света, и горница стала самым уютным жилым помещением.

– Ну, будет, – Домна отстранила младшую дочь, – буди сестриц, солнце уж высоко.

И вышла за дверь.

2 ДЕВЯТНАДЦАТЬ ВЁСЕН НАЗАД

Через дебри и буреломы глухого леса пробиралась женщина. Возраст её трудно было определить, так как седые лохмы свисли неряшливо на лицо, частично скрывая его. Время от времени она одной рукой пыталась убрать непослушные пряди под выдавший лучшие времена дырявый плат, но и тогда лицо не спешило сообщить о возрасте, так измазано оно было и темно от загара.

Многослойная одежда её была из грубой шерстяной ткани, войлока и кожи. Подолы рубахи и запоны изодрались и лоскуты волочились по земле, иногда вовсе отрываясь и повисая на колючих кустах. Ноги были обуты в такие рваные поршни, что было ясно, что прослужат они своей хозяйке лишь недолгое время.

Женщина очень устала. Она едва держалась на ногах, часто спотыкалась о перегораживающие путь стволы поваленных деревьев.

Одной рукой она прижимала к груди свёрнутую шкуру какого-то животного. Похоже, волка или собаки. Вдруг из свёртка послышался громкий плач младенца. Недовольный и требовательный. Женщина замедлила шаг. Время подумать о пропитании. И своём, и ребёнка. Она пошла дальше уже медленнее, внимательно выискивая в траве нужные ей приметы. Нашла заячью тропку, осмотрела изгрызан-

ную кору деревьев, свежим помёт, выбрала подходящий участок, положила свёрток на муравчатый пригорок неподалёку, и быстро соорудила из тонких прутьев несколько силков для животных.

Стало смеркаться. Женщина пошла далее, теперь уже выбирая подходящее место для ночлега. Вот старый коренастый дуб с дуплистым стволом. Она накидала между его торчащих корней коры и еловых веток, легла на бок, головой у изъеденного временем и насекомыми ствола, прижала к себе ребёнка. Малыш вновь заплакал. Женщина стала что-то быстро нашёптывать и напевать. Ребёнок постепенно затих.

Наступила ночь, тихая и не слишком тёплая, но это не очень беспокоило уставшую путницу. Её худощавое, но крепкое тело не было избаловано комфортом и почти не реагировало на лесную сырость и прохладу.

Полная луна залила округу жёлто-голубым светом, создавая причудливые тени от веток и стволов деревьев. Лес наполнился особыми звуками. Но и они женщину не тревожили. Вскоре она уснула. Ветер шумел в кронах деревьев, ночные птицы оглашали окрестности своим пением, некрупные животные старались добыть себе пропитание – все эти еженощные хлопоты лесных обитателей не прерывали сна. Но время от времени она резко открывала глаза и внимательно вглядывалась в темноту. Вот спрыгнула совсем рядом на землю рысь. На секунду пересеклись взгляды – человеческий и кошачий. Рысь отвела свой, осторожно обо-

шла лесных гостей и скрылась в кустах. Незадолго до полуночи пробежала волчица, остановилась в нескольких саженях от людей, понюхала тревожно воздух и прошмыгнула дальше. Женщина вновь закрыла глаза.

На рассвете стало понятно, что путница больна. Её глаза лихорадочно блестели, а без того загорелые и обветренные щеки пылали багровым румянцем. Она с видимым усилием встала, взяла ребёнка на руки. Малыш вяло захныкал. Женщина нахмурилась. Без сомнения, ребёнок погибал от голода и жажды. Она почистила тело малыша широкими листьями лопуха, затем направилась к вчерашним ловушкам. Одна из них сделала своё дело. Тушку зайца женщина почти равнодушно заткнула за пояс. Очевидно, не заяц был целью охоты.

Внезапно она остановилась, вытянулась, подняла голову, набрала полные лёгкие воздуха и завывла протяжным волчьим воем. Затем долго стояла, прислушиваясь. Через какое-то время ей ответил такой же протяжно-тоскливый, но далёкий вой. Женщина больше не выла. Ей нужно было знать местоположение логова ночной волчицы, и она его узнала. А теперь надо ждать. Ждать, когда волчица уйдёт на охоту. А волчат она постарается добыть для своих целей. Во всяком случае, один волчонок ей точно бы пригодился.

Когда солнце достигло нужной высоты, путница отправилась на поиски волчьего логова. И она его довольно быстро нашла. Взрослых волков не было видно, а волчата, как во-

дится, попрятались. Но да ничего, свежая тушка зайца их быстро выманит из всех укрытий. Она знает, как всё надо сделать.

Действительно, вскоре двухмесячный щенок, визжа и кусясь, норовил вырваться из её крепких рук, ну да она его быстро усмирила. Потом быстро пошла прочь.

Вскоре наткнулась на неширокий лесной ручей. Женшина жадно попила воды, умылась. Поколебалась немного, дать или нет этой же воды малышу. Сдержалась. Теперь есть лучший вариант для подкрепления его сил.

Женщина понимала, что волки возьмут её след и поэтому сняла поршни и онучи и долго шла по щиколотку в холодной воде ручья. Так на некоторое время можно сбить волков со следа.

Всё. Теперь пора ей исполнить свой долг. Женшина постаралась всё положенное сделать быстро. Вместо материнского сосца – мизинец, вместо молока – кровь волчонка. Малыш жадно сосал её мизинец, а она пускала тонкую струйку по своему пальцу ему в рот. Получилось! Женшина почти ликовала. Малыш жадно пил, кровь пузырилась у него на губах, а глазки блестели оживлённо и с интересом.

Наелся.

Женщина быстро соорудила из подручных материалов столбик, на него уложила голый череп волчонка по направлению к восточной стороне, завязала ему глазные впадины длинным куском его же шкуры, положила лапу под череп,

при этом непрерывно что-то нашёптывая – это должно угасить желание волков мстить за своего детёныша.

Когда всё было готово, она услышала рвотные звуки. Перепуганно обернулась к ребёнку. Того рвало кровью. Она схватила его на руки, пытаясь изменением положения дитя остановить процесс. Но оказалось бесполезно. Маленького сотрясала одна судорога за другой, до тех пор, пока последняя капля крови не вышла из его организма. Потом он заплакал тихо и обиженно.

Женщина впервые испугалась. Она поняла, что времени у неё почти не осталось. И побежала.

3

Вскоре вся семья из рода Видборичей собралась в избе за завтраком. Девушки спустились из своей горницы под неодобрительные взгляды отца.

– Спите долго, – буркнул он.

Ярина и Тиша виновато опустили головы, смиренно прошли на свои места. После краткой молитвы все приступили к трапезе.

– Да они опять жгли лучины до поздней ночи, – чуть насмешливо продолжил прерванную было тему брат Лан.

– Мы пряли, – робко возразила Тиша, за что и получила несильный щелчок по лбу от матери.

– Ягода калина сама себя хвалила: я-де с мёдом хороша.

Видела я вашу пряжу. У Ярины хоть что-то получается, а тебе, Василиса, должно быть совестно! – Домна возмущённо обернулась к старшей дочери. – Какова пряжа, такова и рубаха. Ладно, что мать одевает, а если бы свои наряды носила, стыдно людям в глаза смотреть было бы.

– А пускай на свои рубахи смотрят!

Домна от таких дерзостей застыла с крынкой в руках, не дойдя до стола. Девочки ещё ниже склонили свои повинные головушки, и даже Лан опешил от нахальства сестры. И только старая баушка сосредоточенно катала в своём беззубом рту какой-то особо вкусный кусочек и никак не отреагировала на выходку Василисы.

– Цыц! – Ивар нахмурил брови. – Не доросла ещё, чтобы людям глаза завязывать.

Далее ели молча.

На широком деревянном столе, покрытом белой льняной скатертью с красными узорами по краям, стояла нехитрая, но вкусная и сытная еда: хлеб, как водится, в центре стола, поломанный на крупные куски – резать нельзя, лежал на хлебном полотенце, котелки с дымящимся вкусным паром, один с кашей и мясом, другой – с пареной репой, яйца варёные, да молоко топлёное – варенец.

Вокруг на лавках восседала немногочисленная семья: на хозяйском месте Ивар, рядом с ним его старший сын Лан, напротив отца старенькая баушка и три старшие дочери, а далее мал мала меньше – восьмилетний Малой, пяти-

летняя Забава и совсем маленький Айка.

Все усердно работали ложками. Малыши смачно кусали большие куски хлеба, с громким чмоканьем запивали молоком и тут же заедали ложкой каши. Мужчины, в лице отца и сына, ели медленно, основательно. С утра уже наработались. И впереди столько всего ещё надо переделать, некогда будет отвлекаться на перекусы. Так что надо набраться сил. А что силушки даст, как не родной хлебушко?

Тиша ковырялась. Домна сидела на приставной лавке, ела кашу из общего котла, не замечая вкуса, её главной задачей было не себя потешить едой, а проследить, чтобы все встали из-за стола сытыми. А вот Тиша ей всё настроение и портила. Мать еле сдерживалась, чтобы ещё раз не щёлкнуть по её бестолковому лбу, чтобы хоть какое-то усиление придать её аппетиту.

А баушка как залезла первой ложкой в кашу, да будто невзначай, подхватила крупный кусок мяса, так теперь не знала, что с ним и делать. Жёсткий оказался, так и катала во рту, глядя как другие едят. Хотела его проглотить, да чуть не подавилась, большой оказался, не лезет в глотку. Вот беда. Баушка чуть не плакала. Так и встанешь из-за стола голодная. Но ничо. Она выкрутится. Не первый раз.

ка обратился Ивар к жене, – пора сеять просо. Завтра начнём.

– А как же Живин день? Завтра вроде как не полагается работать?

– А что Живин день? Христиане мы теперь.

Домна промолчала. Непривычно и боязно. С детства впитала обычаи и традиции предков, а теперь вона. Но Ивар – муж. Он хозяин и всему голова. Пусть будет так, как он сказал.

– Ну и хорошо. Погода стоит добрая. А я с огородом почти управилась. Там осталось немного, сегодня как раз и закончим.

– Заканчивайте. Я там грабли подправил, а то что-то расшатались, у сарая стоят.

– А я как раз хотела тебе сказать, а ты сам доглядел, – обрадовалась Домна.

– Ну что, сын, отдохнул немного? – обратился Ивар к Лану.

– А я и не заморился.

– Тогда пойдём дальше управляться, – с этими словами Ивар пошёл во двор. Следом разошлись все.

В избе осталась одна Василиса. Она неспеша вымыла ложки и чугунки, насухо протёрла их и поставила на полку. Поправила скатерть, а потом, словно силы враз оставили её, опустилась на лавку, закрыла глаза и медленно склонила голову на руки.

Наконец, она одна. Наконец, можно отпустить огромное напряжение, которое помогало ей держаться среди родных. Наконец, она может не притворяться спокойной и не скрывать своё горе.

«Еремей! Ох, сокол мой ясный! Где ты сейчас? Где склонилась твоя головушка? Где приют нашла? Ещё недавно так хорошо всё было, и не ведали, что беда рядом, что всё рухнет в одночасье. Жили-были лебедь и лебедушка, да налетела туча чёрная, да закрыла от лебедушки свет-зарю. А как ушла туча чёрная, обернулась белая лебедушка, а где лебедь мой, друг подсолнечный. А нет лебедя, осталась лебедушка одна».

Слёзы льются на скатерть белую. Плачет Василиса, не может утешиться. Долго вздрагивали от рыданий плечи девицы. Но и слёзы заканчиваются. Подняла голову Василиса, задумалась. Смотрит в окно, но не небушко лазоревое видится, а серые глаза Еремея, в которых светилась нежность бесконечная, и вся до капельки ей предназначенная, видится его улыбка ясная, милее которой нет ничего на этом свете, его руки сильные, на которых он клялся всю жизнь её носить.

«Где ты, Еремей? Помнишь ты меня? Любишь по-прежнему?»

5

Тиша еле дождалась окончания утренней трапезы и бо-

сиком выскочила во двор. Столько дел кругом, только успевай поворачиваться. А замешкаешься, всё самое интересное сёстры разберут или маменька.

На ступеньках замерла, наслаждаясь встречаей с новым днём. Почти лето. За высоким забором виднелись соседские крыши, там живут люди, её соседи, такие хорошие все и интересные. Огляделась – деревья одели новый зелёный наряд, нежный и блестящий на солнце. Жаль, что скоро он запылится. Но пока хочется прижаться губами к листикам и вдыхать их запах. Отовсюду доносятся привычные летние звуки: мужики что-то колотят, петухи перекликаются, ветер шумит в листве. Птицы...

Вот Домна мимо прошла. Направилась в сенник. Тиша кинулась к ней:

– Матушка, ты Ночку уже подоила?

Домна насмешливо посмотрела на дочь:

– Не, тебя ждала.

Ну да, глупый вопрос. Опять она проспала всё на свете. Тише стало досадно на себя ленивицу. Конечно, и подоила, и в стадо прогнала и Ночку, и Черныша, и овечек, и белого барашка с чёрненьким пятнышком, который ходил за Тишей, как за мамкой.

– А Хрюню? – спросила ревниво.

– Нет, с Хрюней сама справляйся.

– Ладно, – обрадовалась Тиша, – и Хрюню, и курочек ты, маменька, не трогай. Ты иди, иди, я сама.

Как только Домна скрылась за углом сарая, Тиша мгновенно почувствовала себя взрослой хозяйкой, занятой женщиной. Походка её стала более плавной, без подпрыгивания на каждом втором шаге, голос понизился, приобрёл властные, напевные нотки, которые Тиша подслушала у матери. Войдя в сарай, она всплеснула руками:

– Вот разлеглась, раскрылестилась, барыня – боярыня, голубь сизокрылая.

В загородке лежала большая розовая свинья. На приветливые речи меньшей хозяйки она, не поднимая головы, ответила мирным «хрю» и скосила в Тишину сторону глаз. Около её брюха копошились маленькие, такие же розовые поросята.

Тиша не удержалась и, на некоторое время оставив свою взрослость стала ласкать малышей. Те недовольно визжали и отбрыкивались.

– Дай, – слышался Айкин голосок.

У входа в свинной закуток стоял младший братишка. Ветер поднимал вверх его светлые волосы. Большие чистые глаза смотрели на сестру спокойно и внимательно.

– Айка... Ты один? А где баушка?

– Ба... ба..., – Айка оживлённо стал показывать пальцем куда-то в сторону и вверх, туда, где, по его мнению, находилась в данный момент или в недалёком прошлом баушка. Короткая рубашонка едва прикрывала пупок, далее всё было голо, а ниже – босо. Где находилась баушка, было непо-

нятно, но Тишу это особо не интересовало. Найдётся, рано или поздно.

– Ой, Айка, гляди, порося. Иди погладь, – отвлекла внимание братца на более занимательный предмет.

Айка схватил поросёнка за ухо, и тот, истерично визжа, кинулся прочь. Айка удивлённо проводил его взглядом и больше уж к поросёнкам не лез.

Тиша, наконец, принялась за работу: схватила старую плетёную корзину, накидала на дно соломы, стала сгребать поросёнышки кучи и кидать их в плетушку.

– Ты не смотри, что это противно, – поясняла Тиша братишке, – это нужно на огород отнести. А ты знаешь, что, где лишняя навоза колышка, там потом лишняя хлеба коврижка. Так бабушка говорила. Я, правда, не помню, маленькая ещё была. Но матушка рассказывала.

– Ба... ба, – Айка вновь стал указывать пальцем куда-то в неопределённом направлении.

– Нет, то другая бабушка, старенькая. А я про бабушку Репку. Она почти молодая была. Ну, не совсем, конечно, молодая. А умерла, когда тебя на свете не было. Ты её поэтому и не помнишь. Когда деда медведь убил, тогда и бабушка вместе с ним сожглась. Потому что так полагается.

Тиша задумалась. Смутно представилось морщинистое доброе лицо бабушки. Где она теперь?

– Маменька ещё сказывала, что бабушка сейчас живёт в Нави, что она снова может родиться или у меня, или у Лана.

Может у Василисы или Ярины. А баушка рассказывала, – тут Тиша понизила голос и стала почти шептать брату, – что тятенька не помог бабушке Репке Калинов мост перейти, и что она свалилась в речку Смородину, это такая речка, где вместе воды огонь. И душа её теперь неприкаянная.

Тиша тут перепуганно оглянулась и замолчала. И чего вдруг она вспомнила? Неспроста всё это.

Мир в её воображении вдруг стал особенным, глухим и словно закрытым от всего. Люди, хоть и находились неподалёку, но где-то во внешней стороне, а внутри осталась Тиша и нечто потустороннее. Ветер потрепал рубаху на спине девочки, и она еле сдержалась от крика, ей показалось, что неприкаянная бабушка своими холодными неприкаянными пальцами её трогает, моля о помощи. И лишь на границе миров стоял маленький Айка, наблюдая за сестрой. И её страхи оказались заразными. Губы мальчика скривились, и он готов был вот-вот разразиться мощным рёвом.

– Дочка, ты тут не заснула? – вдруг раздался удивлённый голос Домны, и Тиша подпрыгнула от неожиданности.

Наваждение рассеялось. Тиша виновато ойкнула, подхватила плетушку с навозом и побежала удобрять огород. Домна взяла на руки Айку, поглядела в его глаза, наполненные до краёв прозрачной влагой и готовой вот-вот двумя ручейками выплеснуться на щёки.

– Что тут у вас происходит? Айка, а где баушка?

– Ба... ба...

6 ДЕВЯТНАДЦАТЬ ВЁСЕН НАЗАД

– Весь наш мир – большооое яйцо. Его родила великая праматерь Живана в стародавние времена. Посере́дки куриного, к примеру, яйца – желток, а посередине того яйца – наша земля Явь. Мы живём на верхней стороне этого желтка. Звери, лес, трава тоже на этой стороне. Снизу, на исподней стороне живут души наших родичей, которые уже помёрли. Там Навь, ихний мир.

– А если вырыть большую-большую яму, можно дорыть до того мира?

– Если вырыть колодец до того мира, то его глубина будет такая, что бросишь в тот колодец камень, и будет он лететь двенадцать дней и двенадцать ночей. И только тогда попадёт в Навь. Вот такая глубокая глубина. Когда у нас день, в том мире ночь. Когда у нас ночь, у них день.

Свет от костра неровно освещал морщинистое лицо старого Добрыни. Белые волосы его мягкими волнами падали на плечи, простое берестяное очелье не давало прядям пасть на лоб. Речь его текла напевно и выразительно. Вокруг небольшого костра сидели и полулежали большие и маленькие, девицы и парни, бабы и мужики. Но, в основном, дети. Глаза их заворуженно смотрели на старого Добрыню, но видели они не его, образные картины мироустройства представляли их мысленным взорам.

– А где конец нашего мира? – снова раздался писклявый голос.

Сидящие у костра с неодобрением покосились на любопытствующую худющую востроносую девицу лет одиннадцати. Нехорошо перебивать рассказывающего, тем более таким противным голосом. Но сдержались. К тому же и самим интересно послушать о конце мира. А Лябзя так и не поняла, что своей несдержанностью вызвала осуждение остальных слушателей.

Старый Добрыня словно и не заметил нарушение порядка, мирно продолжил:

– За лесами и лугами, за реками и болотами, заканчивается земля, далее простирается море-океан. А за этим океаном и находится тот мир. Да только переплыть той океан не можно. Страшные воды затопят ладью, ай, скажем, чёлн. А, если посчастливится, то дальше новая преграда. На самом краю стоит остров, на нём стеклянные горы, а на горах дворец хрустальный, усыпанный драгоценными камнями. Сиянье от того дворца на полнеба. Там живёт Кощей Бессмертный. Были смельчаки, которые отправлялись в той путь, но здесь нужна помощь немалая, сила потусторонняя, а самим не справиться.

У многих мальцов загорелись глаза на этих словах. Можно и попробовать. А что? Может, у них как раз и получится.

– А посередь того океана стоит остров Буян. На нём дерево – дуб. На дубу том растут семена всех растений, что есть

на земле. Ветки того дуба достают до девятого неба, а корни уходят в подземный мир.

Добрыня помолчал. Молчали и слушатели, глядя на языки пламени, на искры, уносящиеся в небо. К первому небу.

– Деда, а зачем девять нёб?

– Каждое небо для чего-нибудь предназначено. Одно – для туч и ветров, другое для солнца, месяц ходит по своему небу, а звёзды по своему. Каждое небо предназначено для своего дела. Седьмое небо – твердь, но прозрачная, на ней держится вся небесная вода. Небесный океан.

Лябзя с некоторым опасением посмотрела вверх. Там, выше месяца и звёзд седьмое небо удерживает целые океаны воды. Ух, страшно. Как бы не рухнуло всё на её бедную голову.

– А ещё что на небе есть?

– А ещё в том небесном океане тоже есть остров, Вирием называют. На нём живут старшие звери. От них пошла вся остальная животи́на. И туда же уходят души зверей, когда их убивают охотники. Там, на Вирии звери дают ответ своему старшему. Лось – старшему лосю, заяц – старшему зайцу, кабан – старшему кабану, каждый отвечает по своему роду, как он был убит. И ежели случится, что пожалуется кто на охотника, что помучил зазря, тогда беда будет. А коли охотник поблагодарил зверя за шкуру, за мясо, тогда старшой отпускает своего зверя снова на землю, чтобы опять, коли надо, охотились. Такой порядок.

Мальцы запоминали этот порядок. Нельзя зверей зазря мучить. Беда будет. Какая беда? А в прошлую зиму, вспомнилось, пошёл дядька Лобатый в лес – и не вернулся. Беда случилась, всяк знает, а ещё всяк знал, что дядька Лобатый зверей обижал, видели, как зайца кнутом побил запросто так. Вот и расплата.

Внезапно один из мужчин резко вскочил на ноги и повернулся к лесу. За ним все встали. Собаки, до этого мирно дремавшие позади человеческого круга, с лаем бросились в темноту. И лишь строгих окрик хозяев заставил их вернуться.

Все ждали. Вот неясно показалась одинокая фигура. Женщина приблизилась и остановилась не входя в освещённый огнём круг, поэтому рассмотреть её не представлялось возможным. Но было видно, что она шаталась и едва стояла на ногах.

– Помогите, – она протянула свёрток. – Он погибает.

Сердобольные женщины уже бросились к незнакомке на помощь, когда услышали:

– Стойте!

Волхв. Сам! И когда только подошёл, никто не увидел. Все замерли в нерешительности. С одной стороны одинокая путница, которой незамедлительно нужно оказать поддержку. А Видборичи, Святочи, Любимичи никогда не отказывали в помощи нуждающимся, но прямое предостережение волхва никто не посмел нарушить.

Волхв подошёл к женщине, взял свёрток. Что-то спросил,

та что-то ответила. Тихие слова никто не расслышал.

– Пошли, – волхв повёл женщину за собой.

У костра наступила тишина. Не часто гости тревожат ночной покой таким странным появлением. Старый Добрыня, один оставшийся сидеть, теперь тоже поднялся.

– Вот и посланец к нам. Что-то он принёс? – помолчал. – Ну, доброй ночи, – Добрыня медленно пошёл к себе. Вскоре разошлись и остальные, чтобы рассказать своим домашним о сегодняшнем происшествии. «Вот и посланец к нам. Что-то он принёс?» – каждый задумчиво повторил за Добрыней эти слова.

У костра остался лишь смотрящий. Но и он с тревогой смотрел в лес, туда, куда ушли волхв и незваная гостья.

7

Домна сидела на завалинке, держа на коленях кувшин с квасом и наблюдала за мужем. Ивар с Ланом что-то ковали у плавильни. Так увлеклись, что и не оторвать. Вчера до позднего вечера всё жгли, стучали, шипели раскалённым металлом в воде, сегодня чуть свет опять к своему печи. Домне стало любопытно, но влезать женщине в мужские дела не пристало. Вот поэтому в разгар дня она и сидела тут праздно. Ивар её уж заметил, освободится маленько и к ней подойдёт кваску попить. Заодно и расскажет.

Домна перевела взгляд на младших детей. Под яблоней

Забаву и Айку что-то строили из дощечек. Похоже, хоромы.

– Смотри, Айка, тут у нас будут курочки. А тут Ночка. У Ночки телёночек родился.

Айку, конечно, рановато пока оставлять с Забавой, та сама ещё мала, но пусть помаленьку привыкает. И куда это запропастилась баушка? Обычно она доглядает за малыми ребятами, а тут нет её.

Наконец, Ивар потянулся, разминая затёкшую спину:

– Отдохнём малость, сыне, – сказал он Лану.

– Батя, я на речку скупнусь, – отозвался тот, скидывая кожаный фартук.

– А не рано ли, вода холодная.

– Да ну, батя, тепло нынче как. А я вон чёрный какой от копоти.

– Ну, иди.

Лан снял с тына свою рубаху, не стал её надевать, так и пошёл босой, в одних портках, неся рубаху в руке. Сильное мускулистое тело его было уже загорело и блестело от пота. Ивар любовался крепкой ладной фигурой сына, и не скажешь, что ему пятнадцати ещё нет, крикнул вдогонку:

– Гнедка напои.

– Ладно.

Ивар повернулся к жене, взял предложенный ею квас, разом опорожнил полкувшина.

– Хорошо! – крикнул он. – И погода добрая. Коли завтра ветра не будет – посеем просо.

– Вдвоём пойдёте или Малого с собой возьмёте?

– Малого возьмём. Нехай привыкает.

– А, может, мы бы помогли?

– Не, сами управимся.

– А то б пособили? – всё же стала настаивать Домна.

– Нет. Свои дела делайте. С огородом управились?

– Да, всё поделали с Яриной. И Тиша помогала. То к нам бегала, то за скотиной смотрела.

– А Василиса?

– А Василиса по дому нынче. Хлеба наказала ей испечь. Да постирать надо.

– Как она?

– Да вроде ничего. Может, отойдёт со временем маленько.

Помолчали. Тяжело вспомнились Василисы слёзы сразу после случившегося.

– Да, нехорошо вышло.

Полюбовались играющими детками. Забавины хоромы были уже построены. Игра перешла в следующую стадию:

– Пошёл барашек за водой и встретил деда с бородой. Этот колодец с водою холодной, – щекотала Забава запястье Ай-ки, – этот колодец с водою тёплой, – Забава продвинулась вверх по руке до локтя, – здесь вода горячая, – настала очередь плеча. Айка молча смотрел на сестру. Из полуоткрытого рта его стекала чистая слюнка, – а здесь кипяток, – наступила кульминация, Забава усердно щекотала брата под мышкой. Тот заливисто хохотал, уворачиваясь от проворных

пальчиков сестры..

– Пестунья уж выросла? – усмехнулся Ивар.

– Да, почитай, выросла. А вы с Ланом нынче управитесь? – кивнула Домна на непонятную работу мужа.

– Нет, придётся пока отложить. Вот засеемся, тогда посмотрим.

– А что вы опять удумали?

– Да понимаешь, в городе видел штуковину такую на окна, из слюды сделана. Дюже красиво. А тут Малой нашёл хороший кусок слюды, да ещё у меня было немного. Хочу попробовать такое же окно сделать.

Домна ничего особо не поняла, но расспрашивать подробнее не стала. Увидит ещё, коли получится, а то расспросами спугнёт удачу.

– Ну, пойду робить, – Ивар встал, – рано ещё отдыхать.

Домна тоже пошла по делам. Надо было сходить за водой. Женщина взяла вёдра, коромысло и вышла за ворота. Почти сразу же наткнулась на Лябзю.

– Здравствуй, соседushка, – фальшивым голосом запела та, кланяясь в пояс, – давненько тебя не видела. Я уж спужалась, не захворала ль ты часом.

– И тебе доброго здоровья, – чуть сдержано ответила Домна. Лябзю она недолюбливала, – нет, не хвораю. А чего я стала незаметная, о том не ведаю. Тебя я видела недавно. Даже здоровалась с тобой.

– Да ты, никак, на колодезь идёшь? И я туда.

«Уж не караулила она меня? Ай, сказать что хочет? Не случилось бы чего», – Домне стало тревожно, но ответила то, что положено:

– Пошли вместе. С хорошим попутчиком и дорога короче.

Хотя дорога на колодец была не такой уж долгой. Находился он в центре селения, и сходились протоптанные тропинки к нему, как солнечные лучики со всех сторон, от всех дворов. А дворов в том селении было не так уж и мало. Три рода в давние времена нашли здесь, на крутом берегу Русы своё место, переплелись, перероднились так, что не сразу и разберёшь, кто есть чей. Да и пришлые люди притулились. Община и чужих не обижает, хотя и не встречает с распростёртыми объятьями. Но всяк понимает, что всем на этой земле места должно хватить.

– С тятенькой мы нынче из городу вернулись. Гостинцев привёзли невиданных, ткань заморская на сарафан, ажно горит. Народу в городе, Домнушка, тьма. Самого князя видала... И Еремея тама видала..., – Лябзя скосила глаз на свою спутницу, желая видеть её реакцию. А смотреть и вправду было на что. Домна резко остановилась, словно наткнулась на невидимую преграду, побледнела. Лябзя молчала, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Что... он...? Он в городе?

– Да, в городе. Видела его, как тебя вижу, лопни мои глаза, коли вру.

– Разговаривали? Как он?

– Ой, я ж забыла! Ой, побегу домой, кабы чего не случилось... забыла... поросят закрыть. А то на огород убегут, беды наделают, – Лябзя подхватила полы своей понёвы и понеслась назад, притворно охая и мотая головой.

Домна ошеломлённо смотрела вслед. Мысли вихрем проносились в голове. Еремей нашёлся. Это хорошо или плохо? Надо Василисе это знать или лучше нет? И что он делает в городе? Вот Лябзя, ну погоди у меня! Я у тебя всё выпытаю. Ишь, нашла потеху, людей дразнить. Как бы Василисе не ляпнула. Надо спешить.

8

Малой шёл на пастбище. Да плёлся еле-еле, а не шёл. Страшновато было встречаться один на один с дедом Яшмой, пастухом. Всем известно, что дед Яшма колдун, и водит дружбу с самым лешим. Да деваться некуда, сегодня их очередь кормить пастуха. Василиса что-то собрала в узелок, отдала Малому и наказала – иди. Легко сказать – иди. В прошлые разы они с баушкой ходили, с ней не страшно.

Проходя мимо кривого плетня Мамалыхи, он встал на цыпочки и постарался заглянуть через забор, не видать ли его дружка Ёры. Видать. Ёра щипал лучину.

– Ёра, – позвал Малой, – выдь-ка на улицу.

Ёра жил с матерью вдвоём. Отца у него не было совсем, дед с бабкой помёрли. И жилось им нелегко. Общество, ко-

нечно, помогало, но всё же вид что у Ёры, что у его матери был потрёпанный. Мать его нанималась на работы, с утра до ночи помогала по хозяйству людям, за что и получала кусочек от того хозяйства, которого едва хватало. Сына Мамалыха жалела. Соседи советовали Ёру приставить к какому-нибудь делу, но Мамалыхе, казалось, что он ещё мал. Поэтому большую часть дня он был предоставлен сам себе, пытаясь приспособиться к своему хозяйству самостоятельно, в виду отсутствия должного руководства. Отец Малого, Ивар, заботился по-соседски и по-родственному о Ёре, ребята – ровесники дружили.

– Ты что делаешь?

– Ничо. А ты куда направляешься?

Малой объяснил.

– Пойдёшь со мной?

– А чо не пойти, пойду.

Ёра не стал долго собираться, подтянул портки повыше и пошли.

По дороге разговорились о Яшме. Ёра знал многое из жизни своих соплеменников, Малому оставалось только слушать и мотать на ус.

– Дед Яшма, знамо дело, заключил договор с лешим. У пастухов завсегда так. И теперь леший за скотиной доглядает. А Яшма так, для виду. А леший сидит у него на посохе. Или на кнуте. А Яшма знай себе отдыхает. Видел сколько раз, как Яшма спит, а коровы сами по себе пасутся. Да толь-

ко не сами по себе, их леший пасёт. А за это Яшма не должен ягоду лесную рвать, грибы ай орехи. И ещё не должен ни с кем за руку здороваться. Вот ты видел, чтобы Яшма с кем за руку здоровался? Вот то-то. А ещё, помнишь, у Кривого корова пропала? Так Яшма сказал, что он её лешему отдал. А что? Каждый год положены лешему подарки.

– Да, батька смеялся, что в эту весну уже был подарок. А у Кривого не в очередь отдали.

– Ну, не знаю. А ты видел, какой на нём пояс?

Малой смутно вспомнил и впрямь необычный пояс, со сложным непонятным рисунком.

– У-у-у, тот пояс заговорённый. Волк, ай медведь к примеру, выйдет из лесу, увидит стадо, а ему будут видаться не коровы и телята, а большие и малые камни. Он и повернёт назад в тёмный лес. Яшма ослабит свой пояс, и коровы разойдутся подале, затянет потуже, и они соберутся вокруг него.

Ребята вышли из ограды. Вниз к Русе бежали несколько тропинок.

– Скупнуться бы, – пробормотал Малой, глядя на сверкающую заманчивую ленту реки.

– Ага, скупнись, русалки тебя живо на дно утянут.

– Лана батька отпустил.

– Может, он какой особый заговор знает?

– Не знаю. Ладно, пошли.

Ребята свернули направо. Там начинались пашни. Кое-где ещё пахали, но большая часть полос и межей уже лежала

серым покрывалом, готовая принять семя. Дети прошагали мимо полей. Мысли вновь вернулись к деду Яшме.

– А всё-таки хорошо, что он тогда нам указал, где слюда лежала. Ты свой кусок куда дел?

– Да ещё никуда. А ты куда?

– Я батьке отдал. Ох, он и обрадовался, говорит, что такой ему как раз и нужен был.

– Да? А зачем?

– Сказал, что окно красное в городе видел из слюды. Теперь попробует и в хате сделать.

– Может, и мой кусок твоему батьке отдать? Мне он кабыть без надобности. Я окна делать не умею.

– Хочешь – отдай.

Ребята замолчали. Вдалеке показалось стадо. Яшмы пока нигде не было видно. Но теперь лучше замолчать. Кто знает, какие у них уши, у этих колдунов. Они, небось, на много вёрст вокруг слышат.

9

«Хлеб – всему голова» – эту истину Василиса усвоила с раннего детства и никогда не задумывалась, почему именно хлеб. Ни мясо – в лесах полным полно зверя, ни рыба – реки ею так и кишат, а хлеб. И потому готовить его нужно было особенно. Прежде всего, в полной тишине, что соответствовало настроению девушки. Остальными деталями она пре-

ступно пренебрегла, благо, никто не видит. Привычно месила тесто, сажала хлебы в жаркую печь на предварительно выметенный и устланный прошлогодними дубовыми листьями под. В работе этой не видела сакрального смысла, но свои мысли держала при себе. По опыту знала, что так будет ей же лучше. Может поэтому, никогда у неё не получалось так, как у матери. Но и к этому прискорбному для неё факту относилась с полным равнодушием. У матери всегда всё вкуснее, и это правильно.

Проверяя готов ли хлеб, она вынула один каравай и постучала костяшками пальцев снизу, старательно прислушиваясь, но нужного звука не получилось. Опять Лан будет кривиться, что хлеб кисловат. Или сыроват? Пусть ещё немного посидит в печи, решила она.

А между тем ей давно уже чудились странные удары, или стук. Но они не сразу вошли в её сознание. Лишь, когда она в которой раз спустилась в подклеть, удары в дверь со стороны погреба словно разбудили её. Она вздрогнула и очнулась от своих мыслей. Прислушалась. Тишина. Может, показалось? Она тихонько подошла к двери погреба, осмотрела её. Дверь закрыта на вертушку, значит в погребе не должно быть никого. Домовой балует? Но тятенька сказал, что ей верить в домового и прочую нечисть не следует. Хотя, как не следует, если они существуют. Об этом все говорят. Не могут же все ошибаться? И тут она вновь услышала вкрадчивый негромкий стук. Василиса едва сдержала визг. Она почув-

ствовала как по спине побежали мурашки, а это верный признак присутствия домового. Пятясь задом и стараясь делать это неслышно, выскользнула из подклети и рванула во двор к отцу, от возбуждения забыв все свои горести.

– Тятенька! – Василиса схватила за рубашку отца.

Недовольный Ивар повернулся к дочери, но, увидев её перепуганную и дрожащую, почувствовал, как раздражение тут же уступило место страху за дочь.

– Что? – Ивар был готов на этот раз защитить Василису от кого бы то не было.

– Домовой!

Теперь у Ивара глаза стали круглыми от изумления. Немного погодя изумление сменилось неприятным сомнением, уж не стала его дочь, от всех неприятностей последнего времени терять ум.

– В подклети. Стучится в погреб, – у Василисы стучали зубы, – и так чудно. Тук-тук, и перестанет. Пошли, тятя, – Василиса, как маленькая потянула отца за рукав.

Ивар пошёл было. Потом засомневался, уж больно девка напугана. Страх частично перекинулся и на него. Вернулся, взял топор. Кто там может стучаться в погреб?

Входящая в ворота Домна замерла. Новость о Еремее терзала её, а тут в собственном дворе творится что-то непонятное. Торопливо поставив вёдра на землю, не заметив, что расплескавшаяся вода залила ноги, она кинулась к мужу:

– Что стряслось?

– Вон, у дочери спроси.

– Василиса, да что случилось?

Та на этот раз замешкалась с ответом.

Ивар сказал:

– Сейчас узнаем, – и решительно пошёл в подклеть.

За ним нерешительно потянулись Василиса, Домна и младшие дети.

– А вы куда? Тут будьте, – Ивар за раздражением прятал некоторую неуверенность.

– Тут будьте, – повторила Тиша Забаве и Айке, сделав вид, что это указание её не касается.

Вскоре во дворе остались лишь малыши, которые, раскрыв рот, растерянно смотрели вслед ушедшим родственникам.

А родственники столпились в подклети у двери погребка. Оттуда не доносилось ни звука. Василиса почувствовала неуверенность. А что, если домовый позабавился на её счёт и теперь оставил её одну расхлёбывать всё. А может, ей померещилось?

Ивар толкнул дверь. Она медленно проскрипела в сторону, открывая проём. На секунду все ахнули, увидев в темноте фигуру. Фигура зашевелилась. И вот из погреба навстречу изумлённым родственникам шагнула... баушка.

– Ты... ты что тут... Кто тебя запер здесь? – Ивар откинул в угол теперь уж ненужный топор.

Баушка вильнула глазами, зашамкала:

– Дык, пошла по делу. Норку мышиную видала, дык заткнуть её тряпкой, – стала рассказывать баушка, не замечая, как предательский сметанный полукруг под носом опровергает её историю о мышах. – А закрыла меня, видать, Василиса, – баушка зыркнула недобро на старшую правнучку, – она бегала туда-сюда.

Всё внимание вновь обратилось к Василисе. Под прицелом всеобщего осуждения она совсем поникла, повернулась и пошла. Мать догнала её уже у ворот:

– Ты куда?

– Бельё на речку полоскать.

– Не ходи пока, пусть Ярина сходит.

Домна оглянулась:

– Ярина! Где она?

– Маменька, она на огороде. Сейчас я её кликну, – Тиша побежала за сестрой.

– Ба... ба, – Айка увидев родную старушку, поплёлся к ней. Он очень был рад, что её вновь встретил. К тому же он единственный знал, как всё было.

А дело было так. Баушка изрядно помыкавшись на завтраке, вертелась у погреба, выжидая удобную минуту. Вместе с ней вертелся и Айка, не понимая, а чего они с баушкой тут вертятся. И вот удобная минутка, баушка отодвинула вертушку и нырнула в манящую темноту, не взяв с собой даже лучину. Где крынки со сметаной, она и так помнит. Дверь следом за ней со скрипом закрылась, а Айка заинтересовал-

ся вертушкой. Уж ловко её баушка вертела. Попробовал. О! Вертится и у него!

Потом он пробовал донести до окружающих сведения о застрявшей старушке, но окружающие малышней часто слушают невнимательно. Вот и у него не получилось организовать спасательную экспедицию.

А хлеб у Василисы на этот раз получился немного подгоревшим.

10

Отец Прокопий с сыном возвращались с поля. Надел их был самый крайний, общество так распределило, отец Прокопий не стал спорить. Оно и лучше. Нет, работать на крайней полосе приходилось больше. Близкий сосед – лесок так и норовил в гости зайти со своими саженцами, трава-мурава никак не хотела придерживаться собственных границ, а всё время нарушало границы участка отца Прокопия, но и этот же лесок доставлял столько удовольствий, а на травушке – муравушке так приятно лежать, глядя в голубое небо, что жаловаться на некоторые неудобства было бы грешно.

С сыном Глебом просо уже отсеяли. Чуть раньше, чем соседи. Чуть раньше, чем полагалось по приметам-подсказкам самой природы. Отец Прокопий не хотел работать с другими, намеренно держался особняком. Ему было неприят-

но наблюдать за многочисленными языческими обрядами, тьма-тьмушая которых сопровождала работу на пашне. А уж Глебу совсем ни к чему их видеть. Хотя, видят, конечно, и Глеб, и отец Прокопий. Тут закроешь глаза – не увидишь, так услышишь. И жалко иной раз становится своих земляков. Ведь понятно, что для семьи стараются, что не выжить в лихую годину без хорошего запаса урожая, вот и хлопочут, где хитростью и уловками, где намёками и подсказками задобрить своих богов. А когда становится совсем скверно, когда урожаю грозит гибель, от засухи или ещё какой напасти, то отчаяние может заставить общину пойти на страшные поступки.

Когда-то он и сам во многом участвовал. А потом случилось по молодости служить у князя, там и крестился, и принял новую веру. В этой вере и прожил большую часть сознательной жизни. А постарев, вернулся в свою родную землю в сане священника, с женой и сыном-отроком.

Община встретили Прокопия настороженно, но не враждебно. Живи, места всем хватит. Вот с тех пор и живут. Прошлым летом похоронил жену. Трудно им вдвоём с Глебом управляться без женских рук, да делать нечего.

– О чём, батька, задумался? Ай, устал? – вывел отца Прокопия из задумчивости весёлый голос сына.

– А и устал. Годков мне уж немало, поди – Прокопий ускорил шаг. Что-то он и вправду отстал, Глеб придержал Рыжика, поджидая отца.

– Что там дальше полагается сеять?

– А вот запоминай, сынок, заквакают лягушки – будем сеять овёс, услышишь кукушку, пойдём лён сеять.

– А зачем нам лён, кто им заниматься будет, не мы же с тобой?

– Это ты верно подметил, Глебушко, остались мы без матери твоей, как две сиротинушки. Но, что ж нам теперь без порток ходить?

– В городе купим. Зачем же без порток.

– Значит, не будем в нынешний год лён сеять?

– Не знаю, батя, как скажешь.

– Вот и я не знаю, сынок. Жениться тебе надо. Будет тогда и у нас кому лён прясть.

Отец Прокопий замолчал. Впереди на тропинке показалась стройная фигура молоденькой девицы. Отец Прокопий узнал дочку Ивара. Ярина шла с корзиной белья. Случайно взглянув на сына, отец Прокопий заметил его напряжение.

«Уж не невеста ли? А что? Хороша девка. И семья хорошая».

Ярина сошла с тропы, уступая дорогу мужчинам. Она тихо поздоровалась, не поднимая глаз. Поздоровался и отец Прокопий. Пошли дальше. Отец Прокопий вновь заговорил о посевах, но Глеб уже его не слушал.

– Бать, пойду я Рыжика напою, а то он весь день работал, должно быть, пить хочет.

«Ага, Рыжик пить захотел», – подумал с иронией отец

Прокопий, но вслух сказал другое:

– А что, сынок, сходи, напой.

11 ДЕВЯТНАДЦАТЬ ВЁСЕН НАЗАД

Ночью к Пыре постучали. Женщина долго лежала, глядя в темноту и не решаясь встать. Кто к ней может прийти? Ерпыль вспомнил дорожку? А, заодно, решил полюбоваться на своё дитя? Стук повторился. Нет, не похоже на Ерпыля. Тот стучал бойко и весело кричал при этом всякие глупости, которые раньше казались забавными, но теперь стали раздражать.

Пыря встала, не зажигая света подошла к двери.

– Кто-то там стучит?

– Пыря, открой.

Этот голос женщина не часто слышала, но узнала мгновенно.

«Что ему понадобилось?» – перепуганно отодвинула задвижку.

В дверь вошёл высокий мужчина.

– Свет зажги, – приказал он.

Пыря торопливо бросилась к печи, нащупала руками лучину и зажгла её от тлеющих угольков, дрожащим рукам не сразу удалось вставить её в светец.

– Хватит, ай ещё? – пока выполняла привычные действия, немного успокоилась.

– Хватит, – волхв прошёл в красный угол, положил что-то на лавку. Пыря пыталась разглядеть.

– Иди сюда, – волхв развернул тряпки, и Пыря увидела младенца. Тот лежал без движения, раскинув ручки и ножки.

– Он жив? – засомневалась она.

– Жив, еле выходили. Теперь спит крепко. Пусть спит. Проснётся – покормишь. Молока хватает?

– Дык, хватает, чай грудная у меня.

– Вот и ладно. Двоих будешь растить. На, на первое время пока, – волхв протянул ей какие-то камешки.

«Деньги» – поняла Пыря, несмело взяла их в руки. Так вот они какие, эти деньги. Тяжёленькие». Не посмела при волхве разглядывать их.

– Ежели что понадобится, спросишь, – волхв направился к двери. На выходе остановился, обернулся, – и держи язык за зубами.

Пыря закрыла за волхвом дверь и торопливо вернулась к младенцу. Мальчик. Совсем маленький, такой же, как и её Млада. Развернула его полностью, стала осматривать тельце. Малыш по-прежнему крепко спал. Вдруг замерла. Нагнулась посмотреть внимательней, потом пошла за лучиной. При свете огня испуганно замерла.

«Что это?»

Ярина не пошла на общий мосток, там всегда хозяйек полно – не протолкнуться, выбрала укромное местечко и занялась бельем. Мостик тут был узким, но ей этого было достаточно.

Сначала она полоскала детские вещи. Это самая лёгкая и приятная часть работы. Чистая, прозрачная, прохладная вода мягко разворачивала течением и надувала пузырьём рубахи и платочки. Ярина полоскала не спеша, уж очень приятна была водица. Время от времени привлекали внимание тёмные фигурки рыб, снующих туда-сюда. Ярина пальцем иногда касалась их гладких спин, прежде, нежели они спохватывались и удирали подальше от её рук.

Потом всерьез взялась за работу, когда мелкие вещи закончились. Тут уж не до наслаждений и рыб. Напоследок осталась тяжеленная отцовская свита. Ярина окунула её в воду, потом с усилием вытащила на мосток и изо всех сил стала колотить вальком. Мутная вода от ударов сочилась из ткани и стекала в реку и, когда свита становилась спрессованной от ударов, Ярина вновь опускала её в воду.

– Здравствуй, Ярина!

Ярина вздрогнула, и, ещё не оглянувшись, поняла, кто стоит за спиной. Вся зардевшись, она обернулась к Глебу почти сердито. Интересно, давно ли он здесь? И кто это ему

дал право подсматривать?

– Здравствуй.

– Дозволь помочь тебе.

– Помочь? – Ярина от удивления перестала даже сердиться. О чём он? Это же женская работа. Мужчины не должны стирать.

– В этой мокрой свите, наверное, пуда три веса.

– Я сильная. Одна справлюсь.

– Вдвоём будет легче.

– Вот ещё. А как люди увидят?

– Не увидят. Тут ракиты кругом, нас от всего мира скрывают. А и увидят, что ж тут такого?

Ярина неуверенно отпустила валик и свиту на мостик и отошла. В сильных руках Глеба и свита казалось невесомой, и валик игрушечным.

– Дай, я буду валиком колотить, а ты свиту окунай и держи.

– На, – Глеб протянул Ярине колотушку, и работа закипела.

Но внимание обоих было направлено не на отцовскую старую свиту, они с любопытством вглядывались в черты друг друга, пользуясь тем, что находятся в такой непривычной близости друг к другу. Делали это поочерёдно, стараясь не встретиться взглядом, и перепуганно отводя свой за мгновение до встречи.

«Какие у Глеба брови – тёмные и точно очерченные. Как

нарисованные. И сердитые, вон как нахмурился. Брызги светятся на них, как самоцветы драгоценные», – но тут Ярина перевела взгляд на отцовскую свиту, и настала очередь Глеба.

«Красавица! Что лебедь белая! Моя будет. Всё, что угодно сделаю, но никому её не отдам», – парень любовался милым личиком девушки, а любоваться и впрямь было чем. Большие зелёные глаза, обрамлённые густыми длинными ресницами, пухлые губы, светлые волосы выбились из-под очелья и красиво обрамляли лицо.

Отцовой свите грозила неминуемая гибель, потому что так её ещё не колотили. Молодые люди про неё, похоже, вообще забыли, хотя со стороны казалось, что занимались они только ею. Наконец Ярина опомнилась.

– Хватит, – она отложила валик в сторону, – пора домой.

Глеб сложил свиту в корзину. Ярина положила сверху остальное бельё.

– Придёшь сегодня на праздник?

– Не знаю. Приду, если отец отпустит.

– Я буду ждать.

Ярина подняла тяжёлую корзину.

– Давай я понесу.

– Что ты! Точно увидят.

– Я немного. Пока никого нет.

– Только немного.

По тропинке от реки шли молодые парень и девушка.

Забытый, сам себя напоивший, Рыжик двинулся следом. А на берегу выпрямилась теперь уж в полный рост и смотрела тяжёлым взглядом на уходящих стройная молодая девушка. И в глазах её мелькали искры безумной ярости.

13 ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

– Видела! Сама видела. Лопни моя глаза, коли вру. Не сойти живой мне с места. Пусть Перун..., – тут Лябзя осеклась и на несколько мгновений замолчала. Подумала, что Перуна привлекать, возможно, будет уже лишним. Оглядела слушательниц, проверяя реакцию. Нормальная. Глаза у баб горят живым любопытством. Теперь можно и в деталях продолжить рассказ, – припозднилась я вчера бабоньки в лесу, поплутала немного. Знать, леший поводил неспроста. Вышла я на поляночку незнакомую. Полнолуние было. Светло, как днём. Ну, вы сами знаете, какая нонешнюю ночь была луна. Остановилась и думаю, в какую сторону дале иттить. Вдруг о полночь выскочил на тую поляночку он.

– Кто?

– Сначала я не узнала его. Пригляделась – парень. Хотела окликнуть его, а потом думаю, неспроста он тут. Спряталась за куст, а сама наблюдаю. А он давай скидать с себя одежду и разбрасывать по кустам. Всю до нитки поскидал. И вот, бабоньки, встал он посередь поляночки, луна его осветила крепко, он и давай кувыраться назад через голову. Раз ку-

вырнулся – потерял человеческий облик, шерстью покрываться стал, одна шерстинка золотая, другая серебряная, другой раз кувырнулся – из пасти зубы заблестали, глаза волчьих красным огнём сверкают, третий раз кувырнулся – на четвереньки стал, только задние лапы вывернуты коленками вперёд, как у людей.

– Ну уж не настолько луна светила, небось, коленки не разглядишь ночью, – раздался чей-то недоверчивый голос.

– Да чтоб провалиться мне сквозь землю, коли вру, – Лябзя от негодования не знала, какое ещё на себя наложить проклятие для убедительности.

– Ну ладно, дальше-то что? – чувствовалось, что окружающие готовы поверить, вот только немного разочаровывал не совсем надёжный источник информации.

– Волколак у нас завёлся, вот что дальше, бабоньки. Самый настоящий. Видела его вот так, как я тебя сейчас вижу. И стал той оборотень бегать. Сначала по поляне, потом поднял голову и завыл страшным волчьим воем, а потом ускорился прочь. Я сижу за кустом – ни жива, ни мертва. Думаю, что ж далёко будет.

– Так и осталась в кустах сидеть?

– Так и осталась, бабоньки, а что делать, с перепугу совсем не знаю, куда и идти, как домой попасть.

– А волколака боле не видала?

– Видала. Набегался, знать, нагулялся, ближе к рассвету

вернулся на поляночку. Упал на землю и лежит, не шелохнется, зная умаялся. Я насмелилась, подошла к нему и говорю по имени: «Еремей!»

– Это что ж за Еремей?

– Пыри пасынок! – Лябзя торжественно объявила самую шокирующую новость и оглядела поочерёдно слушающих.

Те молчали, оглянулись настороженно, нет ли где поблизости самой Пыри или Агнии. Не видать. Новость и впрямь была шокирующая. Хотя, не совсем. С самого появления этого парня в селении ещё младенцем все ожидали чего-то необычного, уж слишком много таинственного окружало его.

– Не зря, видать, молва ходила, что у него волчья лапа, – выдвинула Лябзя новый аргумент.

– Да какая же у него волчья лапа, вроде обычная нога.

– А ты его босиком видала?

Женщины промолчали. Лябзя продолжила:

– Где это видано, чтобы лето всё малец ходил то в сапогах, то в лаптях, то в поршнях, и ни разу босым не бывал. Не зря слух ходил, что лапа волчья.

– Дак волчью лапу одень хоть в сапог, хоть в лапоть, видно будет, что лапа не человеческая, а волчья, а у Пыринового парня нога с виду, как нога.

– Видимость это, нет там человеческой ноги. Там волчья лапа.

– Ну, а дальше что? Окликнула его по имени и что? – вер-

нули бабы Лябзю к первоначальной теме.

– Спит он или без чувств, не поняла, а только волчья личина стала рассеиваться, и показалось лицо парня. Еремей это был. Вернулся он вновь в своё обличье. Я потихоньку ушла.

– Как же ты дорогу нашла домой?

– Бабоньки, как ушла с той поляночки, так сразу на знакомую дорогу и вышла. Знать, леший помог.

14

Малой с Ёрой стояли возле деда Яшмы и не решались его окликнуть. Спал пастух под деревом самым сладким сном. Малой поискал глазами свою Ночку, цела хоть? Цела. Ходит с телёнком. Овец и коз не стал даже смотреть, кто их различит в стаде.

Отошли подальше от деда, сели под берёзкой, зашептались:

– Вот уж взаправду, леший пасёт стадо.

Стали ждать. Вскоре дед зашевелился, закричал, сел. Увидел ребят:

– А, дружки мои явились! Ну, здравы будьте. С чем пожаловали?

– Здравствуй, дедушка Яшма. Вот сестрица прислала подкрепить силы, – Малой протянул узелок с едой.

– Хвала тебе, Малой. Это кто ж из твоих сестёр проявил

обо мне заботу?

Малой не сразу понял, что хотел узнать у него этот странный дед, поэтому промолчал.

Яшма догадался, в чём затруднение, упростил вопрос:

– Кто, спрашиваю, пищу приготовил?

– Ааа! Василиса!

– Василиса? Ну, хвала и Василисе за труд.

Дед Яшма развернул узелок, разложил прямо перед собой снедь.

– Садитесь со мной, ребятки, пообедаем вместе.

– Да не, не хочется.

– Как это не хочется? Разве не знаете, что колдунам отказывать нельзя? Хо-хо-хо, – засмеялся Яшма, показывая редкие полугнилые зубы.

«Слышал!» – переглянулись ребята. Несмело присели напротив деда.

– А что, малыцы, за грибами, за ягодами уже бегали в лес нынешней весной?

– Не ещё. Не спели ягоды. Да и грибам тятка сказал, что ещё рано.

– Ну, рано, так рано. Только слушайте, ребятки мой, колдуна, наказ, как пойдёте в лес по какой надобности, в сторону колдыбани не ходите. А коли пойдёте, за саму колдыбань не смейте заходить. Поняли?

– Поняли. А почему, дедушка, нельзя за колдыбань заходить?

– А потому, что леший мне так велел вам передать, – глаза деда Яшмы сделались недобрыми. Седые брови сошлись у переносицы.

Ребятам стало неуютно.

– Дедушка, тятка наказал, чтоб быстрее домой вертались.

– Ну так ступайте домой.

Малой с Ёрой поднялись, неуверенно переминаясь с ноги на ногу:

– Прощай, дедушка!

– Идите, ребятки. Малой, отцу кланяйся. И помните, что вам сказал про колдыбань! А ну, коровушки, подруженьки, ворочайтесь от лесу, – дед направился к своему стаду.

Ребята повернули в обратный путь. Шли молча, как вдруг дед вновь позвал:

– Малой! Подь сюда.

Ёра остался ждать, пока Малой за какой-то надобностью побежал к пастуху.

– Дюже вкусно Василиса приготовила обед мне нынче. Передай ей поклон. Да добавь, слово в слово запоминай, дед Яшма, мол, сказал, что кривдой наполнились уши сельчан, напраслину возвели на Еремея. Нехай не верит, а слушает своё сердце. Оно ей верный путь укажет. Запомнил?

– Запомнил.

– Ну, бегите до хаты.

У Тиши были свои вёдра и своё коромысло. Правда, не совсем свои, достались от старших сестёр. Отец специально для дочек сделал, чтобы не надрывались, тяжести не таскали, вот и переходили эти предметы по мере взросления одних и подрастания других от одних к другим.

Тиша бежала вприпрыжку к колодцу. Ходить за водой – одно из самых любимых занятий. Там, у колодца, всегда многолюдно. Там собирались и взрослые женщины, и маленькие дети, и Тишины ровесницы. Женщины, обычно, набрав воды, не спешили расходиться по своим дворам, а рассказывали много чего интересного, дети играли тут же, поджидая задержавшихся матерей, а Тишины ровесницы занимали пока промежуточное положение: с детьми не поиграешь, люди засмеют, наигрались уже, а к взрослым встать в кружок, послушать их разговоры – стыдно и боязно, ещё прогонят. Но зато, если есть достаточное количество подружек, можно создать свой кружок, и подражая взрослым, обсудить свои дела.

Приближаясь ко двору дядьки Кисея, Тиша замедлила шаг и стала высматривать ту девочку. Матушка сказала, что её зовут Хылей.

В первый раз Тиша её увидела прошлым летом. Та девочка не умела ходить, хотя была большая. Может быть, такая же, как и Тиша. Она ползала у своих ворот.

Тиша в своей жизни не раз видела калек. Но эта девочка посмотрела в Тишины глаза, и жалостливое сердечко девочки дрогнуло.

Вечером Тиша плакала, уткнувшись в коленки матери.

– Почему она такая?

– Хыля? Да, говорят, родилась здоровенькой, до трёх лет бегала, а в три года пришла к ним соседка, посмотрела на Хылю, погладила по спине, сказала: «Шустря детонька», а детонька и упала на пол. Ноги перестали гнуться. Потом вроде отошла, потом снова перестали работать как надо, а теперь и вовсе отказали.

– А ножки её пойдут когда-нибудь?

– Да кто ж знает? Может, и пойдут, а может, и нет.

– Это соседка сделала?

– Кто ж знает? Тётка Кисеиха, Хылина мать, говорит, что соседка.

– А кто их соседка?

– Тётка Пыря.

– А ты как думаешь?

– Не знаю, Тиша, что и думать. Только с тёткой Пырей ты уж будь осторожней. Лучше старайся поменьше попадаться ей на глаза.

Разговор этот был ещё прошлым летом. За год Тиша видела несколько раз Хылю, даже поздоровалась с ней однажды, желая завязать знакомство. Но испугалась, подумав, что привычное «Здрава буди!» могло показаться девочке насмеш-

кой. Знакомство так и не завязалось.

И сейчас, проходя мимо дома дядьки Кисея, Тиша замечала шаги, но Хыли не было видно. Тиша уже почти прошла, как вдруг раздалось тихое:

– Тиша!

Девочка остановилась... вроде никого; подумала, что слышалось, но в щели плетня увидела знакомые глаза.

– Хыля, ты меня зовёшь? – Тиша обрадованно бросилась к плетню.

– Да, можешь мне помочь?

– Могу. А что надо сделать?

– Зайди сюда.

Тиша направилась к воротам, но Хыля остановила её.

– Тиша, ворота батюшка всегда закрывает, когда все уходят. В ворота не пройти.

– А как пройти?

– Можешь перелезть через тын? Стань на лавку, а со своей стороны я подставлю скамью.

Тиша растерялась. Через чужие заборы она ещё не лазила. Но отказать Хыле, когда та, наконец-то, с ней заговорила было просто невозможно. Тиша спрятала вёдра в кусты и нехотя полезла через тын, стараясь не касаться предметов, охраняющих жилище. Это могло навлечь на неё большие неприятности. С Щуром из чужого рода шутки плохи. Но лучше об этом не думать.

На той стороне Тиша огляделась. Хыля сидела на земле.

– Ты одна?

– Да, никого нет.

– А откуда ты знаешь, что меня Тишей зовут?

– Мне Калина сказала.

– Калина?

– Да, жёнка моего старшего брата. Калиной зовут. Она добрая.

Тише смутно припомнилась хорошенькая хохотушка Калина.

– А что тебе помочь?

– Покуда кудель пряла, цыплята на огород выскочили. Я замучилась их выгонять. Да и грядки кое-где помяла. Матушка узнает – худо будет.

Тишино сердечко заныло от жалости. Глупых цыплят и на двух ногах нелегко из огорода выгнать, а тут ползком попробуй.

– Ничего Хыля, вдвоём мы с ними живо управимся.

Девочки посмотрели друг на друга и заулыбались.

16 ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

Пыря давно уже подозревала, что душа умершей почти двадцать лет назад прабабки вернулась и нашла новый приют в дочери. Не зря второе взрослое имя ей назначено Агния. Огонь и есть. С самого младенчества была своевольной и неуправляемой. На что уж Пыря свой характер считала

сильным и упрямым, но с дочкиным не сравнить. Если что задумает, то хоть приберей её, будет стоять на своём. Одного Еремея хоть немного слушалась.

Пыря надеялась, что вырастет – поумнеет, но только хуже стало. Пыре иной раз страшно становилось. Если бы не Еремей, неизвестно, чем бы заканчивались дочкины проделки.

Прабабка ведьмой была, все знают, знает и Пыря. С малолетства видела и слышала многое. Может, оттого и осталась одинокой, что все сторонились их двора. Хоть сама Пыря с нечистой силой не зналась, и, когда прабабка умирала, мать её и близко к ней не допускала, опасаясь, что «передаст». И сама мать держалась подальше. Так прабабка и умерла, воды никто не подал. Боялись все. Видели, каково это – ведьмой быть. И ведьминой правнучкой тоже не лучше.

Сколько Пыря помнит, прабабка была старая. Сморщенная, скрюченная, горбатая. Жила она отдельно в курной полуземлянке у них во дворе, впритык к забору. Рядом, в том же заборе была и кособокая дряхлая калитка, не сразу заметная в зарослях. Тем ходом пользовались только прабабкины гости, и почти всегда – ночью.

В темноте скрипела калитка давно не смазанными петлями, и, крадучись, пробирались робкие тени. В основном, бабы. Прабабка впускала их к себе и хмуро выслушивала жалобы: на свекровь лютую, недобрую, на мужа, который решил, что жена для того и нужна, чтобы кулакам было на ком поиграть вволюшку, на разлучницу, из-за которой света бе-

лого не видать. Да мало ли у баб горестей? Вот и желали бы поправить судьбу. Бабка в помощи не отказывала. И для све-крови лютой, и для мужа непутёвого, и для разлучницы – змеи подколенной находила верные средства.

Маленькая Пыря, бывало, подходила к прабабкиной двери, приоткрывала её тихонько, и наблюдала одним глазом через щёлку. Видела многое, многое понимала, большая же часть была непонятной. А пока Пыря наблюдала, за ней тоже наблюдала... прабабка. И однажды поманила к себе.

Испугалась тогда Пыря, не послушалась старухи, бросилась прочь. А вечером, дрожа – не могла бабкин тёмный взгляд из памяти вытряхнуть, рассказала матери. И тогда случилось, наверное, ещё более страшное. Молча мать выслушала, молча встала, подошла к дочери, взяла за волосы и стала избивать. Била до тех пор, пока свет в глазах не померк, вытесняя образы тёмных глаз прабабки, и чужих, холодных матери. А когда очнулась, не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Всё болело. И, увидев приближающуюся мать, страшно замычала, мотая головой. Но мать сказала спокойно: «Выжила, донюшка? В следующий раз заглянешь к бабке – убыю».

С тех пор, считай, бабку видела только мельком, старательно избегая встречи с ней. Это было не так уж и трудно. Во двор бабка почти не выходила. А если и выходила в лес или на луг за травами какими, то тихо шаркала в свою же калитку. Так и прожили рядом, словно на разных концах зем-

ли несколько лет.

А вот теперь с дочерью сладу нет.

17

После обеда Домна вошла в ворота Лябзиных хором. Огляделась, поклонилась хозяину, который неподалёку занимался своими делами. Во дворе много народа – семья большая. Взрослые поздоровались и продолжили свою работу, дети обступили гостью, рассматривают. Подошла большуха, Лябзина мать.

– Здрава буди, хозяйюшка, – поклонилась Домна.

– Здравствуй и ты, гостя нежданная, но завсегда желанная, проходи, отведай наши хлеб-соль.

– Благодарю, не обидься, Дарка, только нет мне времени. А пришла поговорить с твоей старшей дочерью.

– С Лябзей? Никак натворила чего?

– Да нет, ничего.

– Тридцать лет девки, а ума как не было, так и нет. – Дарка обернулась к детворе, выбрала глазастого мальчика, – а ну, Черняв, позови-ка тётку Лябзю.

Тот побежал.

– Двор метёт, к Живину дню, как полагается, – пока ждали, пояснила хозяйка.

Лябзя вышла с метлой, заметила гостью, вздрогнула, потом заулыбалась:

– Домнушка, рада тебя снова видеть. Ай, сказать что за-
была?

– Да, сказать нам и правда много чего надо бы. Пожалуй,
сейчас и начнём.

– Ох, некогда мне, милая. Дюже дел много. Празд-
ник же...

Но хозяин грозно осадил дочь:

– Что ты ерепенишься? Неколи ей. Ай, опять своим язы-
ком что начесала?

Лябзя промолчала на этот раз. Хозяйка забрала метлу
у дочери:

– Иди, – обернулся к Домне, – проходи, соседушка, хоть
в горницу, там вам никто не помешает.

Лябзя нехотя пошла, Домна за ней.

В хате сели на лавку в бабьей куте, помолчали.

– Рассказывай.

– Что тебе, Домнушка, рассказать?

Домна положила перед Лябзей тёмный предмет.

– Вот – коловрат. Будем с тобою говорить, будет он
здесь же лежать. Смотри, Лябзя, беда будет, коли соврёшь.
Поэтому, прежде чем ляпнуть, подумай.

Лябзя скосила глаза на предмет, сказала жалобно:

– А будточки не коловрат?

– Старинных времён вещь. От Пращура нашего рода, по-
тому и необычный. Силу особую имеет.

– А чо говорить-то?

– Правду. Видала в городе Еремея?

– Видала.

– Вот и расскажи об этом.

– Дык, что рассказывать?

– Всё и рассказывай. Где видела, с кем, разговаривала ай нет. Мне что, тебя учить рассказывать?

Лябзя вздохнула и начала.

– Ну, были мы с батюшкой в городе. Он в посаде задержался, всё никак не мог дожждаться нужного человека, а я отпросилась на торг сходить, посмотреть на товары – на наши да на заморские. Ну, хожу, дивуюсь. Вот уж впрямь, чего только нет. Когда слышу, шум, отряд верховой едет. Пригляделась, никак князь впереди. Я его не видала ни разу, а тут по обличью и по одежде догадалась. Выскочила вперёд, чтоб лучше поразглядеть. Князь впереди, а вокруг его и чуть сзади – дружина. Все нарядные, весёлые, красивые. Ну, я тех особо не разглядывала, всё старалась князя получше рассмотреть. А тут один из дружинников окликнул меня: «Что, тётка Лябзя, будет теперь о чём дома порассказать?» Испужалась сначала, что за добрый молодец со мной заговорил, откуда мы знакомы. А потом, батюшки, – Еремей. Красивый, улыбается, а глаза, я тебе, Домнушка, скажу, невесёлые. Постояли мы минутку, поговорили. Оказывается, у князя он теперь служит. Как к нему попал не ответил, засмеялся, мол, много будешь знать, мало будешь спать. А напоследок про Василису спросил. – Если бы в этот момент Домна внима-

тельно посмотрела на Лябзю, то заметила бы её колебание и неуверенность. Но женщина была погружена в свои мысли, обдумывая услышанное. Лябзя покосилась на лежащий перед ней амулет. – Я сказала, что вроде как хорошо живёт девка, не жалуется. Он пришпорил коня и ускорился, ничего не сказал. Больше я уж ни князя не видела, ни Еремея. Вот, Домнушка, всё как есть тебе рассказала.

Помолчали. Домна вздохнула и тихо промолвила:

– Нет. Не всё. Годочков шесть тому назад ты рассказала бабам у колодца дюже занятную байку про волколака. Так теперь хочется послушать правду.

– А что? Правду всю до капельки рассказала. Видела Еремея в лесу.

– И что ты видела?

– Ну, може, что в потёмках не так разглядела. Но бегал он с волком. Точно волк, не собака.

Домна поразмышляла некоторое время, потом уточнила:

– Так ты видела, как он с волком бегал, или волком бегал?

– С волком, Домнушка, с волком. А сам был человеком. Но, Домна, сама посуди, кто с волками дружит? Разве человек с ними водит знакомство? И вспомни, как волки нас дожимали, только он младенцем у нас появился. Всех коров, овец, весь скот порезали, житья от них не было, боязно ночью во двор было выйти. Неспроста это – всяк знает. Еремей в этих волчьих делах замешан. Только вот как – не знаю.

– Ну коли не знаешь, тогда и говорить нечего.

Домна встала. Взяла коловрат, засунула в пояс. Поколебалась, потом неуверенно спросила:

– А про то дело что-нибудь знаешь?

– Про какое? А-а-а. Нет, про то ничего не ведаю, – на этот раз Лябзя не стала призывать на свою голову кары, в случае своего вранья, но Домна ей поверила.

– Прощай, Лябзя.

Лябзя долго сидела съёжившись, вспоминая трудный разговор и переживая его заново. Вот только как же быть, солгала ведь Лябзя. Один раз солгала. Как на это посмотрит Пращур? Не одобрит, должно быть.

18 ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Василиса сняла со стены налучье, вытащила лук, оглядела его. С того дня, как дед помер, она к нему не притрагивалась. Натянула тетиву. Ну, что ж, вполне пригоден. Столько времени провисел без дела, но не потерял гибкость. Напрасны были её опасения, что пропала вещь. Дед мастер был. И для внучки сделал много оружия, но этот лук особый, сложный, с изгибом в обратную сторону. Жаль только, что ей, двенадцатилетней девочке он скоро станет лёгок, а новый делать, по возрасту подходящий, будет уже не дед. Может, самой попробовать? Ну, пока рано об этом печалиться.

Почувствовала, как соскучилась по охотничьим тропам. Может, сегодня побродить по лесу? Взяла колчан – пять

стрел, хватит.

Дорога в лес заняла немного времени, но с каждым шагом она чувствовала, как радость жизни возвращается к ней, веселя кровь. Когда поравнялась с первыми деревьями, вспомнила, что не взяла угощение лешему. Ну, да ладно, всё равно не знает, как с ним договор составлять, дед так её и не научил. Но объяснил, что если в лесу не шуметь, не свистеть, не разорять гнёзда и муравейники, то лешего можно не бояться. Да, и ещё, главное, не жадничать, брать только то, что нужно для пропитания, уважать убитого тобой зверя, не забыть поблагодарить его.

Василиса шла, всматриваясь и вслушиваясь, вспоминая дедову науку. Дед мог определить по множеству признаков след зверя, его возраст, в какую сторону шёл, давно ли. Многому он и внуку научил. И сейчас она легко читала эти знаки, и лес открывал ей свои истории.

Походив несколько часов, Василиса почувствовала усталость, легла на зелёный пригорок и закрыла глаза. Как хорошо! Как соскучилась она по лесу, по его запахам и краскам, по его звукам. Лес добрый и щедрый. Сегодня было бы много добычи, но она придёт домой с пустыми руками. В другой раз. Завтра будет охота. А сейчас хочется думать о дедушке. Конечно, Василиса понимает, что он теперь очень далеко, но, может быть, мысль её лёгкая долетит до него, с благодарностью за его доброту и любовь, за знания, что он ей дал и силу.

Василиса, убаюканная лесным шумом не заметила, как задремала, а когда открыла глаза, первое, что она увидела, – волчьи жёлтые глаза.

А в следующее мгновение, она уже нацелила в волчью морду стрелу. Вместе с тем сомнение окутало сознание, уж не продолжает ли она спать, потому что так небрежно себя волки не ведут. За всё то время, что она прицеливалась, волк показал вялую реакцию, и это было неестественно.

– Тише, не убей моего друга, – и хоть голос был доброжелателен и чуть насмешлив, Василиса едва совладала с собственными реакциями. Теперь наконечник стрелы был направлен в другую цель.

Улыбающееся светлое лицо.

– Еремей? Ты что тут делаешь? – Василиса опустила оружие.

– Что можно делать в лесу? Гуляю.

– С волком?

– Да, с волком.

Василиса обдумала увиденное. Вспомнила слухи, что ходили среди сельчан. Но, насколько она разбирается в волколаках, здесь нечто другое.

– Не бойся, здесь нет оборотней, – Еремей, похоже легко прочёл её мысли, – он – волк, – кивнул в сторону зверя, – я – человек, а остальное – кривда тётки Лябзи.

– Ну, знаешь, волка дружком называть, тоже не каждый горазд.

– Это легко можно было бы объяснить, если бы нашлись желающие выслушать.

– Ну, одна желающая нашлась. Расскажи.

Еремей некоторое время задумчиво молчал.

Тем времени волк подошёл в девушке, Обнюхал её. Она напряглась, но не отшатнулась.

– Знакомится, – спокойно промолвил Еремей.

Василисе не очень понравилось это знакомство, но она потерпела. Вскоре волк вернулся к Еремею, лёг рядом с ним, положил голову на вытянутые передние лапы и замер, лишь глаза не мигая смотрели на человека, своего друга и хозяина, насколько волк позволял человеку быть хозяином.

– Помнишь, облавы на волков? Начались-то они, говорят, как я появился в селении, значит, четырнадцать лет назад, да только без какого-то результата. Только избавятся от одной стаи, на другой год – новая. Люди боялись в лес ходить. А вот два года назад взялись серьёзно. Все, кто мог держать в руках оружие, все участвовали, в том числе и я.

– Я помню. Только это было без меня. Как я деда ни уговаривала взять меня – не взял. Боялся. Да, и мать на пороге стала, сказала, не пущу, что хотите со мной делайте, – Василисе было неожиданно приятно рассказывать о себе.

– Вот тогда я и нашёл его, – Еремей кивнул головой в сторону волка. – Совсем маленьким щенком. Слепой ещё был. Всю волчью семью перебили, как его не заметили – непонятно, я за пазуху его засунул. Боялся, что заскулит, выдаст

и себя, и меня. Нет, тихо сидел, словно почуял, что несдобровать, коли голос подаст. Я, получается, весь день провёл с охотниками, и никто даже не догадался, что под одеждой у меня волчонок. Рисковали мы оба. Но всё получилось, – Еремей провёл пальцами по гладкому серому затылку. Красивое лицо его озаряла лёгкая улыбка, навеянная приятными воспоминаниями. – От волков тогда получилось избавиться, до сих пор не слышно, и никто не знал, что остался один волчонок. Я его выкормил. Он и выжил.

– А где же он жил?

– Сначала у нас во дворе. Трудновато пришлось. На цепи он никак не хотел сидеть. Потом, когда чуть подрос, в лес его отвёл.

– Он в лесу остался?

– Не сразу. Пришлось повозиться. Он всё норовил со мной назад в деревню вернуться. А я опасался его грубо прогнать. Потому что этот зверь гордый и очень умный. Прогонишь – в другой раз он не подойдёт к тебе. С ним нужно быть терпеливым. Несколько раз даже пришлось с ним в лесу ночевать.

– Вот тут-то тебя, Лябзя, и видела.

– Ага, – легко согласился Еремей.

– А, как же вы с волком её не почуяли?

– Почему же не почуяли? Мы её очень даже почуяли. Она в лесу заплутала, мы её и пугали в нужную сторону, – засмеялся вдруг Еремей весело.

– Ну да, только она совсем не так вас поняла, – засмеялась

и Василиса.

Этот парень ей всегда нравился. А сегодня она почувствовала в нём родственную душу. С ним было так легко и весело.

– И никто так и не узнал?

– Агния знала, конечно. Мать знала, – Еремей нахмурился. – А теперь вот увожу его.

– Почему уводишь? Куда?

– Да, волчица молодая появилась, нужно их подальше от людей увести.

– Волчица? А где она?

– Недалеко отсюда. За нами следует. А ты не слышишь, сойки как волнуются?

Василиса смутилась. Действительно, сойки кричат. Вот так охотница.

– Я думала, они о нас переполох устроили.

Еремей легко поднялся на ноги.

– Ну, нам пора. Прощай, Василиса, думаю, через пару недель вернуться.

– Прощай, скатертью дорога.

Еремей сказал тогда Василисе, что уводит он волка потому, что боится за него. Но не уточнил, что главная опасность исходит от Агнии.

Вечеряли молча, каждый был погружён в собственные думы.

Ивару не давало покоя крепление угла своего будущего красного окна. Эх, не догадался в городе внимательней поглядеть. Вот теперь никак не додумается. Перед мысленным взором вставали один за другим хитрые способы. Ивар тряхнул головой, отгоняя навязчивые думки, завтра, коль пораньше отсеются, будет соображать, а теперь – хватит. Но эти мысли, повитав где-то в неопределённом месте, вновь возвращались к Ивару.

Тиша переживала радость от нового знакомства. Хыля оказалась такой хорошей. С ней страсть как интересно. Правда, её матушка, тётка Кисеиха, не жалуёт гостей. Она и Тишу не станет жаловать, больно сердитая. Поэтому девочки договорились, что могут встречаться, когда у Хыли никого нет дома. Правда, и у Тиши много дел, особо не находишься по гостям, но, если недолго, то можно. Ещё девочки договорились, что Хыля будет вешать синюю ленточку на угол забора, когда будет одна дома. И, если Тиша в этот момент окажется свободна, то тогда они снова увидятся. А перелезть через чужой забор не так уж и страшно. Если никто не видит.

Малой гадал, правильно ли он сделал, передав слова деда Яшмы старшей сестре. Незадолго до трапезы улучил ми-

нутку, когда Василиса одна накрывала на стол и всё рассказывал. Мол, дед Яшма велел передать, что напраслина на Еремея то была. И вот теперь сидит за столом и всё поглядывает на сестру. И по её непроницаемому хмурому виду не поймёт, как надо было.

А Василисе казалось, что весь мир закружился, завертелся в каком-то безумном хороводе, и в центре этого вихря она, сама себе не хозяйка, её дёргают, толкают, вертят, крутят неведомые силы, не дают передохнуть, подумать. Дошло до того, что баушку с домовым перепутала. Так можно и остатки разума потерять. А то, что не виноват Еремей, она знала, сердцем чувствовала, хоть на время и закралось, было, сомнение. И в этом её вина, и потому она потеряла своего суженого, что неверной оказалась. Сомнение ведь – это тоже предательство?

Забава и Айка клевали носами, но ложки с кашей всё же до рта кое-как несли.

Баушка ела молча, время от времени бросая на старшую внучку недобрые взгляды. Всё ещё не простила своего плена в погребе.

Тут Домна вспомнила, вытащила из-за пояса предмет:

– Малой, твоя штуковина?

– Моя, где ты её взяла? – Малой хотел забрать у матери, но отец опередил, взял в руки, стал рассматривать.

– Что это? Где взял?

– На дороге нашли с Ёрой, когда от пастуха возвращались.

Занятная штучка. Коловрат?

– Да не, тут другой узор. Интересный. Где-то, кажется, я его видел.

Тут все заинтересовались находкой, и стали передавать её друг другу. Но никто не мог объяснить значение узора.

– Возьми, – отец вернул предмет сыну. – Да не теряй бо-
ле. Раз выпала удача найти, так и береги. Может, сослужит
службу.

«Сослужила уже» – усмехнулась про себя Домна, а вслух
добавила:

– В одежде твоей была. Видать, бросил за пазуху и забыл,
когда рубаху менял. Я и нашла.

Малой снова положил штуку за пазуху.

– Ну, а что молчите? – неожиданно глава семейства по-
менял тему беседы. – На берегу, да на полях уж костры раз-
вели. Пойдёт ли кто гулять нынче? То наперебой просятся,
а то ни гу-гу.

– Я, бать, не пойду. Что я там не видел? – Лан зевнул
равнодушно. – Спать пораньше лягу. Завтра хочу чуть свет
на речке порыбачить.

– Я бы сходила с Тишей, – робко отозвалась Ярина. – Ты,
Тиша, как?

– Ну да, там весело.

– Дозволишь, тятя? – вскинула Ярина большущие зелёные
глаза.

– Дозволю, если с маткой.

– А что? Сходим ненадолго. На людей посмотрим. Василиса, пойдёшь с нами? – спросил Домна у старшей дочери.

– Нет, не хочу, матушка.

– Ну тогда втроём можно.

– Смотри там, мать.

Домна поняла, молча кивнула.

20

– Кто есть Жива? Великая мать, прародительница неба и земли. В стародавние времена она произвела на свет бога неба – Сварога и землю-матушку Макошь. С тех пор и доныне Жива приходит к нам каждую весну и оживляет всё в природе. Деревья очнулись, почки дали листы. Зерно мёртвое легло в землю, родило стебель и опять живёт. Вся земля радуется жизни.

У Сварога же и Макоши родились три огненных сына – первый – Дажьбог – бог Солнца, другой – Перун – бог грозы, молнии и грома и третий сын – бог Огня, это тот огонь, что у нас тут, на земле...

У костра сидел всё тот же Добрыня, только изрядно постаревший, и вёл всё те же неспешные сказы. Волосы его лёгким белым облаком опускались на плечи, простое очелье всё так же защищало лицо от прядей.

– Дажьбог ездит по небу на колеснице, а колесницу тую везёт четвёрка коней. Кони белые-белые, а крылья золотые.

Несутся по небу, что птицы. А Дажьбог сидит в колеснице и смотрит за порядком на земле, чтобы не было всякой неправды. В руках у него огненный щит, который светит нам, то бишь солнце. Потому у нас день. И несут кони Дажьбога до края земли, до моря-океана. Далее он переправляется через океан в нижний мир – Навь. Теперь уже не на колеснице, а на ладье, и везут его птицы – лебеди, гуси, утки. Как доплывёт туда – там день. Днём он у нас, а ночью тама, на том свете.

– А вот коловрат, он от Дажьбога? – вокруг костра сидели старые и малые. Лябзя тоже тут была, как всегда любознательная. Но сейчас коловрат её интересовал не только из праздного любопытства.

– Если посмотришь, прищурившись на солнце, то ты его и увидишь. Поняла?

– Поняла, – с благодарностью сказала Лябзя. – Завтра посмотрю.

– Ишь ты, седая макушка интересуется, – раздался злобный шепоток. – Ей бы дома сидеть, а она тута ещё тарантит. Того и гляди в хоровод пустится. И куда это общество смотрит.

Но Лябзе не прожить было бы на белом свете, если б она на каждое мнение своё внимание обращала. И шепоток затих, не произведя никаких последствий, кроме краски досады на лице шептуньи.

После небольшой паузы Добрыня продолжил:

– Другой сын – Перун. Волосы его лохматые, чёрно-серебристые, в вот борода – золотая, кучерявая. И, когда тучи заполонят небо, он мчится на своей колеснице, запряжённой крылатыми воронами жеребцами; и гремит, и грохочет тая колесница на весь мир. А в руках у Перуна молнии, бросит «мёртвую», синюю, поразит она насмерть, бросит «живую», золотую, и земля освежает, даст хороший плод.

Третий сын Огонь, он завсегда с нами, на земле.

Помолчали, глядя на костёр. Да, огонь всегда здесь, первый помощник и спаситель от холода и голода, от злых зверей и нечистой силы. И люди почитали его, как могли. Первый, самый вкусный кусок – ему, огню.

Домна сидела у костра, обняв за худенькие плечи прижавшуюся к ней Тишу. Время от времени она бросала взгляд на другой костёр, что на берегу Русы. Там гуляла молодёжь, там же Ярина. Домне казалось, что она различает фигурку дочери. И, если Домна не ошибается, Ярина сидит у костра и наблюдает за разыгравшимися парнями и девушками.

Молчание прервала Дарка:

– А ну-ка, бабоньки, возьмём в руки мётлы, да прогоним недобрую силу.

Женщины подхватились, начали обряд очищения. Домна не участвовала. Она отошла к немногочисленной группке христианских женщин, стоящих поодаль и стала беседовать с ними. Разговор крутился вокруг всё тех же тем: весна, посевы, скотина, дети. Но тут Домну тронули за локоть. Обер-

нулась – Тиша:

– Матушка, глянь-посмотри, баушка наша..., – Тиша кивнула в сторону костра.

Домна посмотрела и ахнула: у костра лихо орудовала метлой, отгоняя нечистую силу, а заодно и свои грехи баушка, голос её дребезжал и вырывался из стройного многоголосья женщин.

Во, как умудрилась. Да, новую веру приняли, но от старых взглядов ведь сразу же не откажешься, тут Домна понимала. Но всё же участвовать в обрядах – это уж слишком. Но баушку увести сейчас было немыслимо. Когда ей было нужно, она становилась слепая и глухая. И упёртая, как баран.

– Пускай, что тут сделаешь! – махнула рукой Домна. Подумав, добавила: – Что только отец скажет?

21

Ярина сидела у костра и наблюдала за разыгравшимися парнями и девушками. Девушки пытались водить хоро-вод, но парни всё мешали им это делать, озорно ломали его, встраивались сами. Иногда какой-нибудь молодец ушипывал приглянувшуюся девицу, и та хохотала или преувеличенно-громко возмущалась. Было весело.

Ярина в таких забавах редко принимала участие, ей больше нравилось наблюдать, а уж если всё же приходилось бывать в гуще похожих игр, то с облегчением замечала, что чу-

жие, иногда наглые руки парней, её сторонились. Но, бывало, смутная мысль сомнения закрадывалась в голову, неужели она настолько неприятная, что даже самые дерзкие парни уклоняются от подобных заигрываний с ней. Но, несмотря на сомнения, всё же лучше смотреть со стороны.

Среди девушек особо выделялась статностью и красотой Агния. Она хохотала, показывая ровные белые зубы, дразнила и парней, и девушек. Но и её парни не очень уж и касались. И в этом случае Ярина, кажется, понимала, в чём дело. Вейла от Агнии какая-то опасность, некое предчувствие, предостерегающее всех: с Агнией шутка может выйти боком.

Глеба нигде не было видно, и Ярина досадовала на себя за то, что мысли весь вечер возвращались к нему. Она тряхнула головой и снова стала смотреть на подруг.

– Ярина, айда с нами через костёр прыгать! – позвала её Бажена.

Ярина лишь улыбнулась и покачала головой. В прошлом году она обожглась, чуть не спалила сарафан, больше не полезет. Ярина физически была некрепкой. Бажена не стала настаивать, разогналась и первой прыгнула. Раздались одобрителльные возгласы. Прыжок был хорош.

– Кто прыгнет высоко, у того смерть далёко, – торжествовала Бажена.

Тут же поднялась Агния. Глядя на её стан, Ярина невольно задержала взгляд в восхищении. Хороша девка! Агния же приготавилась тоже прыгать, она терпеть не могла превос-

ходства другой в чём бы то не было. И удачный прыжок Бажены подзадорил её.

Но Ярина уже не смотрела на неё. Глеб... Подошёл тихо, сел рядом. И сразу весь мир стал уютным и волшебным. И хотелось петь и смеяться, но жаль было пошевелиться, разрушить волнующую близость.

Молодые люди не видели, как совсем неудачно прыгнула Агния, и теперь от досады кусала губы, поглядывая в их сторону. А уж то, что они были причиной этой неудачи, такое им и в голову не могло прийти. Не слышали, как насмешливо прокомментировал неудачный прыжок Лоб, огромный неуклюжий юноша, и Агния что-то прошептала побелевшими губами, а глаза её злобно сверкнули на неумного парня. И Лоб стушевался и пожалел, что не вовремя открыл рот.

– Пора. Пора, пора, Жива ждёт, – от костра к костру пронёсся слух и все посерьёзтели, стали сходить к своим семьям, чтобы вместе идти на капище.

– Ярина, а нам домой пора, – спокойно произнесла подошедшая Домна, словно не замечая близости между дочерью и Глебом.

Ярина вскочила на ноги, смутилась:

– Конечно, матушка.

– Глеб, ты с нами?

– Да.

От берега реки потянулось два человеческих потока. Один, многочисленный и шумный, направился вдоль реки,

где неподалёку от селения на высоком берегу Русы находилось капище, другой поток редкий, всего два десятка человек, повернули в сторону своих домов.

– Матушка, – зашептала матери Тиша, – баушка наша на капище пошла.

– Видела, – невесело усмехнулась Домна.

Видела она баушку, та помчалась в первых рядах, откуда только столько прыти?

22

Хоромы Видборичей погрузились в ночную тишину. Но тишина эта была неполной. В сарае время от времени вздыхала Ночка, пережёвывая свою вечную жвачку, и лёгким эхом ей отвечал телёнок; жвачку же он ещё не научился жевать, хотя иногда пробовал. В соседней клети посапывала Хрюня, подставляя жирное брюхо маленьким поросётам, и те, согретые материнским боком и близким соседством друг друга, похрюкивали от удовольствия. На насесте копошились куры, время от времени устраивая переполох и будили Гнедка. Его мать, серая кобыла Тучка, нервно дёргала ушами. В углу сарая прижались в плотную кучу козы и овцы, знакомые ночные звуки, напротив, успокаивали их.

Во дворе под яблоней уж давно спал Лан. Молодецкие гулянья до первых петухов его мало интересовали, к некоторому беспокойству матери. Пятнадцатый год идёт, пора бы

невесту себе присмотреть. Но Лан не присматривал. Его сердце ещё не проснулось для любви. Видно, девичьи ресницы не пощекотали его. Хотя перед сном вспомнилась почему-то улыбка дочери мельника. Какие-то интересные ямочки у неё получаются на щеках, когда она улыбается. У других он таких не видел. Мелькнуло воспоминание и пропало. Здоровый сон прогнал и ямочки, и мельника с его дочерью, и даже красное окно, над которым батька ломал голову уже несколько дней.

Да что несколько дней, и ночей тоже. Вот и сегодня Ивар долго не спал. То ли жену дожидался, то ли крутил-вертел в голове хитрый крепёж. Эх, жаль, что темно, а то бы проверил. Пришла Домна. Качнула люльку, пощупала рукой, сухой ли Айка, легла к мужу.

– Ну, как там?

– Как и всегда. Добрыня постарел... Это сколько ему годов? Поди, век уж прожил.

– Не знаю. Я маленький ещё был, а он уже седой. Лет сто, должно быть есть. Что дочери?

– Да пошли в горенку. Тиша тоже с ними пошла спать. Хочется ей с сестрицами. Ты уж не запрещай. А Забава одна нынче на полатах, баушка загулялась.

– А я-то думаю, что её не слышно. Ушла, как тать, я и не знал. Значит, празднует?

– Празднует.

– Ну, пусть празднует.

Повернулся Ивар на бок, захрапел почти сразу. Ну его, этот крепёж, сделается, никуда не денется. Домна ещё поворочалась с боку на бок. Думки и переживания за детей не давали сразу уснуть...

В девичьей горенке слышны нежные тихие голоса.

– Ох, Василиса, напрасно ты с нами не пошла. Там так было весело! – посетовала Тиша.

– Верю, что было весело. Но мне лучше дома.

– Но ты должна перестать печалиться.

– Не получается, Тиша. Да ты на меня не обращай внимания. Расскажи, что было, а я послушаю.

– Мы через костёр прыгали. Страшно было, дух захватывает. А Ярина так и не решилась. Я даже испугалась, что про неё подумают, что она ведьма и отхлестают крапивой.

– Меня крапивой? – ужаснулась Ярина.

– Ну да. Так полагается. В прошлом году на купала отхлестали же Бажену, а сегодня она зато, как птица перелетела – выше всех.

– Ужас. А я что-то не помню.

– А, ну ты же тогда обожглась, рубаху сожгла, или сарафан. И ты пошла сразу домой. А это уже после было.

Наступившая тишина, казалось, уж больше не прервётся до рассвета, но Тише внезапно пришла в голову новая мысль:

– А ещё наша Ярина замуж скоро выйдет.

– Тиша, не знаешь, что болтает твой язык, – возмутилась Ярина.

– Нет, правда. Василиса, послушай: весь вечер она сидела с Глебом рядышком, а до других им и дела не было.

– Тиша, я сейчас рассержусь. Глупости говоришь.

– Ладно, не нравится слушать – не буду больше говорить. Но это правда. Вот только Агния на вас всё время недобро посматривала.

– А Агния по другому смотреть не может. Но, Ярина, тебе и правда нужно быть осторожней. Хотя какое ей дело до Глеба? – задумалась Василиса.

– Я слышала, что он её когда-то спас, когда её кобыла понесла, – предположила Тиша.

– И что? – возмутилась Ярина. – Ну, может, и помог ей когда-то. Но ведь это ничего не значит?.. Или значит? – Ярина встревожено села на своей лежанке. Сон как рукой сняло.

Но на это никто из сестёр не знал ответа.

– Ох, и красивая же эта Агния, – вздохнула Тиша чуть завистливо. – Вот бы мне такой стать... Хотя, нет, не совсем такой. Ну её. Странная она какая-то. Хотя и красивая. Но уже старая. Ей же девятнадцать лет. Вот и ты, Василиса, скоро станешь старой. Тебе надо срочно подумать, как поймать жениха. Я, если до семнадцати лет не выйду замуж, со стыда сгорю. Ещё не хватало, чтобы обзывались седой макушкой.

– Ну и пусть обзываются. Уж лучше одной быть, чем с кем попало, – Василиса в этом нисколько не сомневалась.

– Ты что? Одной быть – стыдобище какое. Вон тётка Лябзя бегают к бабке Власе до сих пор, женихов привораживает.

– Тиша, – тут уж обе сестры возмутились, – да откуда ты всё это знаешь?

– Знаю, – промолвила она загадочно. Не сдержалась и добавила хвастливо, – я много чего знаю. Вы бы удивились.

– Ага, как сорока на хвосте таскаешь сплетни, а правда это или кривда – и сама не ведаешь.

...В горенке ещё долго продолжались девичьи разговоры.

А перед рассветом, когда тьма особенно властвует над миром, вдоль тына медленно пробиралась баушка, пытаясь нащупать ворота. Ага, кажись они! Баушка поискала щеколду – не разобрать, вроде открылись. Раздался страшный, как ей показалось, предательский скрип. Баушка недовольно поморщилась. То не скрипели, а то во удумали. Теперь весь двор разбудят. Но, вроде, всё тихо. Где-то лениво гавкнула собака и замолчала. Баушка двинулась дальше. Ничего не видать. Но ведь она здесь ходила-выхаживала вдоль и поперёк целыми днями. Почему ж сейчас всё кажется непонятным и незнакомым? Знать, дворовой сердится, вот и водит её какими-то закоулками, не даёт найти вход в дом. Дворовой у них был со сложным характером, он шуток не любил. Баушка торопливо стала обещать ему чуть свет принести гостинец. Что дворовой любит? Ну, вкусное, само собой, кто ж от вкусного откажется? А ещё гребешок. У баушки есть один, жалко, что он от старости совсем беззубый стал. Но она у девок возьмёт. У тех много. Ага, вот и дверь. Правда в сарай, похоже. Но ничо, в сарае спать ещё и лучше. Ба-

ушка нащупала ногой солому. А ктой-то храпит тут? Неужто Хрюня? Баушка улеглась на солому, рядом лежал чей-то тёплый бок. Хотела пощупать основательно, но потом решила, что и так сойдёт. А то ещё переполох получится. Мало ли какое животное можно спугнуть в ночи. Уже засыпая лениво подумала, что очень уж храп громкий, не разгадаешь чей...

Это хорошо, что на рассвете молоденький солнечный луч заглянул в щель сарая, увидел баушку и засветил ей прямо в глаз. Баушка недовольно открыла глаза, а потом долго моргала, пытаюсь понять, где она проснулась. В сарае. Но эта информация её никак не могла успокоить. Сарай-то не ихний. Что, она свой сарай от чужого не отличит? Рядом по-прежнему раздавался мощный храп, и ей на ногу закинулось что-то тяжёлое. Баушка замерла, но глазами закосила, разглядывая местность. Батюшки, дед Вихор! И эта его нога на ней. Да как же она так ошиблась? Не те ворота, не тот двор, и дед самый неподходящий.

Дед Вихор с молодости ей проходу не давал, нравилась она ему, а теперь люди засмеют, скажут, бабка на старости лет сама к мужику легла.

Баушка змеёй стала выбираться из-под деда...

Немного времени спустя, перепуганная старушка торопливо входила в свои нескрипучие ворота.

23 ГОД НАЗАД

С тех пор, как угасли последние надежды, что Хыля когда-нибудь снова станет на ноги, в доме к ней отношение изменилось. Она стала ненужной обузой. Какое-то время все надеялись, что девочка умрёт, но она жила.

Не раз слышала Хыля восклицания многочисленной родни, с недобрыми пожеланиями. Особенно тяжело было слушать проклятия матери. Хыля каждый раз сжималась от слов: «Чтоб тебя леший забрал». Но до поры до времени эти слова говорились невнятно. Нерешительность не давала им обрести страшную силу.

Хыля старалась как можно больше пользы приносить в работе по хозяйству. Она научилась прясть, ткать, шить одежду, ухаживать за скотом, но не всё получалось.

Однажды Кисеиха велела дочери поставить глиняный кувшин с молоком на стол. Стол был высок, а кувшин наполнен до краёв. Хыля сомневалась, что у неё получится это сделать, но возразить матери не смогла, боялась вновь услышать попреки в дармоедстве.

Хыля подползла к столу с кувшином. Это у неё хорошо получалось. Надо только поочерёдно то самой передвигаться, то кувшин переносить. А вот дотянуться до высокой доски стола, держа кувшин обеими вытянутыми руками, опираясь на неработающие ноги, было страшно. Ведь, не получит-

ся же.

Кисеиха в это время с раздражением орудовала ухватом у печи, поглядывая на дочь. Хыля нерешительно покосилась на мать, может, попросить о помощи. Но нет, вон как хмурые брови сошлись к переносице. Лучше самой попробовать.

Хыля изо всех сил вытянулась, вот уж дно кувшина одной стороной зашло на стол, ещё бы немного. Но тут молоко выплеснулось прямо в глаза девочки, она резко дёрнулась, и кувшин полетел на пол.

С ужасом глядела Хыля на глиняные осколки и растекающуюся белую лужу. Она боялась поднять голову. Потом подошла кошка, стала лакать неожиданное угощение, а тягостная тишина всё длилась и длилась. Наконец, Хыля посмотрела на мать. Глаза Кисеихи казались белыми, столько в них была ярости. Чётко и медленно она произнесла страшные слова. На мгновение дрогнуло сомнение во взгляде. Дрогнуло и пропало. Кисеиха проговорила фразу до конца и вышла во двор. Хыля похолодела. Теперь ничего нельзя было изменить. Мать только что отдала её лешему.

24 ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Вот уж прошло несколько дней, как вернулся Еремей. Василиса видела его пару раз, но всегда что-то мешало, а ей очень хотелось расспросить его о путешествии и о волке. Тогда в лесу ей понравилась его доброта и спокойствие. И по-

сле она думала о нём, даже немного волновалась.

Случай помог им поговорить в разгар сенокоса. Сено тогда косили на дальнем лугу, поэтому поехали всей семьёй на несколько недель с ночёвками. Случилась нужда в хлебе и белье, отец и послал её, как добрую наездницу, в селение. А по дороге её нагнал Еремей. Тоже в седле.

Оставшуюся часть пути ехали неспешно, рядом.

Еремей рассказал, что увёл волка далеко от людей, в глухие места. То, что свободная волчица выбрала его четвероногого товарища, хороший знак. Будет волчья стая, волчья семья, а рядом с селением его держать нельзя, худо будет и селению, и волку.

Еремей увлёкся, рассказывая о волчьих повадках, о том, какие они умные и отважные. Василиса только дивовалась, даже дед столько о волках не знал.

– Волки, если нашли друг друга, то это уже на всю их волчью жизнь. И главным в стае бывает не только вожак, но и волчица. Когда волчица спит, волк её охраняет, – закончил Еремей свой рассказ.

– Откуда ты столько знаешь?

– А ты не слышала разве мою историю?

– Я слышала про волчью лапу.

Еремей промолчал. Василиса смутилась, постаралась исправить положение.

– Но, наверное, это напрасные разговоры. Да и от кого пошли эти слухи – тоже неясно. Мать твоя, тётка Пыря молчит.

– Нет, не мать эти разговоры развела. Но слухи верные. Смотри.

Еремей слез с коня, сел на пригорок и стал разматывать онучу. Лошадка Василисы тоже остановилась, сама же девушка пребывала в нерешительности. Ей было страшно от неизвестности. Что она сейчас увидит? Волчью лапу?

Но нет, нога была обычной, только слишком белой, Незагорелой. Еремей, казалось, сам на мгновение замер в нерешительности, потом показал подошву. Василиса ахнула. На подошве ноги был чёткий рисунок волка. Голова зверя с оскаленной пастью.

– Что это?

– Сам не знаю, – Еремей стал обуваться. Василиса ждала. Через какое-то время они вновь продолжили путь.

– Что я про себя знаю? Да, почти ничего. Знаю, что четырнадцать лет назад меня, младенца, принесла на руках неизвестная женщина. Кто она? Моя мать? Её никто не видел, не говорил с ней. Она ушла с волхвом. И пропала. Может быть, она умерла? Волхв молчит. Но я слышал, что в той стороне, между востоком и севером, – Еремей махнул рукой, показывая направление, – живёт племя людей, и они называют себя волками. Когда-нибудь я дойду до них.

Василиса и Еремей посмотрели в ту сторону. Леса, леса, леса тянулись к горизонту. Там, в неведомой дали неведомые тайны. Может быть, одну из них им удастся узнать.

– Тять, а мы будет птичек выпускать? – первой не выдержала Тиша.

– Будем, сейчас и пойдём, зови всех, – Ивар взял клетки и пошёл во двор.

Птичек было немного, по количеству людей в доме, и ещё одна, случайно попалась, оставили про запас. Во дворе собралась вся семья. Ивар доставал по одной и передавал сначала в жадные и нетерпеливые ручонки младших детей, потом в не менее жадные и нетерпеливые, но скрюченные от старости ручонки баушки, затем – старшим. Напоследок, двух красавцев щеглов оставил себе и жене.

– Айка, смотри не прижми сильно, а то удушишь. Легонечко.

– Ти... ти, – лепетал Айка, и так сжимал жаворонка пальцами, что было ясно, если не поторопиться, птичке будет конец.

Василиса задумчиво смотрела на свою синичку. Маленькая головка с чёрной шапочкой и белыми щёчками нервно вертелась из стороны в сторону. Василиса поднесла её к своим губам, а потом подбросила вверх. Без слов.

Тиша звонко закричала:

– Жаворонушки, летите!

Нам зима-то надоела

Много хлебушка поела!

Вы летите и несите

Весну красную, лето жаркое!

Все подхватили весёлые слова и выпустили птиц. Миг, и унеслись они на вольную-волюшку, а люди с улыбками смотрели вслед.

– Тять, а ещё одна осталась. Кто её будет выпускать?

В маленькой клетке сидел чиж. Ивар озадачено поглядел на него, действительно, кому его отдать?

– Тятенька, а можно я Хыле птичку отнесу?

Ивар долго молчал, задумчиво глядя на Тишу. Дружба с несчастной девочкой оказалась для него неожиданной. Ничего доброго от неё он не ожидал. Но и запретить – тоже не по-христиански.

– Можно, – наконец неуверенно произнёс он.

Тиша подпрыгнула от радости и всплеснула руками.

– Только надо дождаться, когда на плетне появится синяя ленточка. Это значит, что Хыля дома одна. Тогда и можно.

Ивар нахмурился. Оказалось, что всё ещё хуже, чем он думал.

26 ГОД НАЗАД

Глухие удары била разносились над селением, порождая тревогу в сердцах. Только что все были заняты делом, началась страда, и, значит, каждая минута дорога. Но враз руки

оставили занятия, и все, кто мог ходить, поспешили на площадь.

Впереди бежали ребяташки, за ними люди постарше, в конце еле плелись старики и старухи. Вскоре площадь была переполнена. Места едва хватало. Ещё не зная, в чём дело, люди оглядывались, нет ли где дыма, уж не пожар. Били тревогу.

У била стояла Кисеиха и Кисей. Головы их были опущены.

– Что случилось? Откель беда? – раздались вопрошающие голоса со всех сторон.

– Лю-у-уди, помощи-и-ите, – вдруг заголосила Кисеиха.

Кисей молчал.

– Не оставьте, родненькие нас в беде, – судя по протяжным воплям и причитаниям, Кисеиха не собиралась так скоро разъяснять свою беду, но не то время, чтобы его тратить попусту.

– Говори, не тyani, что случилось?

– Хыля, донюшка моя, пропала.

На какое-то время наступила тишина, нарушаемая лишь шмыганием носа Кисеихи.

– Когда пропала?

– С позавчера её не видно было. Думала, мож, забилась где на чердаке, ай в огороде. А вечер Лоб встренулся, сказал, мол, видел её, в лес ползла. Сама.

– Так, она позавчера в лес ушла? Или когда?

– Позавчера получается.

– Надоть искать.

– Да где её найдёшь?

– И-и-и, невелика потеря, ежели правду сказать. Девка-то порченная. Може, оно и к лучшему.

– А время-то какое срочное, пока вёдро, надо сено заготавливать. Неколи по лесу бегать. Во, нагонит Перун туч и молний с великим дождём, тады и пропадём с сеном.

– Кисеиха сама же и прогнала девку. Лешему отдала. Слышали люди, как она её кляла. Теперя сопли распустила.

– Девка-то махонькая, а смышлёная – жалко.

– Негоже девку одну оставить. Надоть искать!

Такие настроения и разговоры сменили друг друга, и народ пошёл в лес.

До вечера аукались, ходили-бродили, но Хылю леший не отдал. День потеряли. Всё, девка пропала, пора из леса возвращаться по домам, завтра сенокос, самая страда.

И только Пыря с Агнией в тот вечер не дождались из леса Еремея. Не вернулся он. Беды не ждали, в лесу он человек бывалый, видать, всё же решил от лешего девку попробовать вызволить. Агния с досады кусала губы. Не любо ей было, когда брат о ком-то заботился.

27 ГОД НАЗАД

Сквозь лесные заросли пробирался человек. На руках он нёс ребёнка. Только нёшим на этот раз был стройный кра-

сивый юноша, восемнадцать лет, а ребёнком – худенькая девочка. Этим юношей был Еремей. Нашёл всё-таки.

Когда он увидел Хылю, она была не в себе. Сидела на пне, смотрела в одну точку, на слова никак не отзывалась. Но леший, видать, отдал девчушку, и что будет дальше – неведомо. Бывали случаи, когда заполошные люди отходили, иногда они оставались такими навсегда, чаще же просто умирали через какое-то время.

Еремей взял Хылю на руки, постарался устроить её голову поудобней на плече, чтобы не болталась, как неживая, и пошёл. Девочка была такая невесомая, словно птичка, что сердце парня захлестнуло жалость. И неожиданно для себя заговорил:

– Знаешь, Хыля, когда в семье волков рождается слабый детёныш, мать-волчица сама его отдаёт на съедение братьям и сёстрам. И, когда, по её знаку, маленькие волчата набрасываются на него, она спокойно наблюдает. И это правильно, всяк скажет. Все согласятся, что слабым не место среди здоровых, они своей слабостью всю стаю, или всё племя ослабят. Всяк скажет. А я не скажу. И, если выпадет мне случай помочь слабому, вырвать его из чьей-нибудь зубастой пасти, я вырву. Потому что, зачем тогда сила? Для чего нужна сила, как не для того, чтобы помогать слабым. В этом мире и сила нужна, и слабость для чего-нибудь пригодиться. А ты не горюй. Вон, колокольчик, слабый цветок, наступи на него, и нет. А без него земля станет пустой и скучной. Так и ты,

Хыля. Не печалься. На что-нибудь и пригодишься, как тот колокольчик...

Зашёл Еремей в лес, когда сенокос только начинался, вышел, когда подходил к концу. Почти три недели прошло. За это время Перун дождей и грома с молниями не нагнал, и все запаслись вволюшку сеном, будут коровушки, а также меньшие их собратья, сыты и счастливы. Будет и хозяевам приятно.

Лишь Пыря с Агнией отстали от соседей. А оно и не удивительно, работали ведь без мужика. И досада на неразумного Еремея, что вот бросил их в горячую пору, часто раздражала Пырино сердце. Но после сменялась страхом. Что-то долго не возвращается. Не случилось бы чего. Агния же была просто зла.

На вечерней зорьке, когда уж и коров пригнали из стада, разнеслась молва, что нашлась Кисея дочка, Еремей вернул, почитай, с того света, и у дома Кисея вскоре собралась толпа. Всяк хотел сам лично убедиться, что это и вправду Хыля, а не подменыш лешего. А заодно и послушать, может, чего скажет. Но Кисеева хата, хоть и не маленькая, толькоместила далеко не всех желающих, пришлось новости передавать из уст в уста от лавки, где лежала слабая Хыля до самого колодца.

...Хыля была в сознании, говорила тихим голосом, Кисеиха сидела рядом с дочерью, глотая слёзы, Кисей стоял молча, головы не поднимал. Слушал.

– Бабушка маленькая... ласковая меня позвала... я и пошла. Ножками своими... Так ловко получилось. Ходили мы с бабушкой, долго. Плохо помню... Туман... Потом хотела вернуться. Видела, как меня искали, аукались. Ходила вместе с вами, но меня не замечали. Видела, как ты, тятенька, стоял под кустом рябины. Один стоял. Ветер трепал твои волосы, очелье твое порвалось и потерялось, когда за ветку зацепилось... Ты вытирал рукавом мокрые глаза.

– А что ж ты ела всё это время?

– Бабушка меня кормила. Давала мне белых крупитчатых калачиков. Много давала. Я всё не съела, за пазуху положила.

Хыля слабой рукой полезла за пазуху, достала, протянула матери:

– На, скушай.

Все застыли в ужасе. На протянутой ладони лежала сосновая шишка.

– Как же ты из леса вышла?

– Волк меня вынес. Я у него на спине лежала. Хороший волк, добрый, только несчастный. Когда он был маленьким, его мать – волчиха хотела отдать загрызть другим своим волчатам, за то, что он не такой. Не слабый... А другой..., – Хыля тут заплакала. – Спать хочу.

Спала Хыля тогда так долго, что тоже всех удивила. Без малого – трое суток. А когда проснулась – ничего не помнила. Последнее что осталось в памяти – это разбитый кувшин

с молоком.

А пока Хыля спала, у Кисея с Кисеихой был серьёзный разговор:

– Узнаю, что клянёшь девку, ай гонишь – сама уйдёшь из хаты откель пришла!

А очелье своё Кисей и впрямь потерял тогда...

28 ОГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Дорогу в бабкину полуземлянку Агния протопала ещё будучи маленькой. Мать заметила, ругала, даже побить пыталась, но Агния посмотрела на неё своим тяжёлым взглядом, сказала: «Стукнешь – бабка за меня отомстит». Для чего она бабку приплела, и сама не знает, само собой получилось. Мать тогда долго сердилась, но стукнуть не посмела. Агния поняла, что та испугалась.

Девушка давно научилась пугать людей, крутить-вертеть ими в своих интересах. Люди в большинстве своём трусливые создания. Трусливые и глупые. Они могут быть опасными только в толпе. Агния это поняла на примере брата. Да, Еремею тогда досталось, а на его месте должна была быть она. Еремей, как всегда, всю вину взял на себя. Дурак, конечно. Но она его за это и любила. По-своему.

Но ей надо быть осторожней.

Когда она впервые пробралась в бабкину хату, там было всё покрыто густым слоем пыли и заросло паутиной, но ве-

щи остались нетронутыми. Мать за всё то время, что Агния помнит, не подошла и близко к покосившейся двери. Осталось всё так, как было, когда бабка в последний раз здесь спала, ела и колдовала. О том, что её бабка, а вернее прапрабабка ведьма, она знала с детства.

А вскоре стала догадываться, что и её саму не просто так тянет в тёмную полуземлянку.

Произошло это не сразу. Вначале она долго думала, что это у всех людей так: если кто-то обидит или разозлит, стоит лишь пожелать ему худого, да проводить вслед долгим взглядом, как обидчик заболит или другая с ним беда случается. Но из разговоров с роднёй и сверстниками поняла, что другие даже не догадываются, что есть такой способ расквитаться с неугодившими. И стала Агния держать язык за зубами, а неприятности на головы обидчиков обрушивала часто и с удовольствием.

Другое дело сны. В них была особая атмосфера. И два существа. Вроде, как и люди, но что-то отличное в них было. И приходили они к ней во сне довольно часто. Иногда они Агнию пугали, она просыпалась, плакала, не хотела их больше видеть. Потом привыкла, стала ждать ночи. Те двое, Агния их называла про себя – тени, потому что никак не могла их рассмотреть подробнее, помогали девочке понять многие вещи. Правда, помогала не явно, а как-то тонко, намёками, и Агния не всегда догадывалась.

А тогда, в детстве, когда впервые ходила по бабкиной ха-

те, с острым любопытством рассматривала, осторожно касалась тонкими пальчиками горшков, плошек и мисок, пыталась угадать назначение всех трав и порошков. А как тут угадаешь? Надо проверять.

И первое время немало соседских да своих собак и кошек нечаянно загубила. Но, не все бабкины снадобья действовали. Некоторые на животных никак не влияли.

На человеке попробовать Агния долго не решалась. Хотелось, конечно, испытать, но было боязно. Помогла злость. Мать прилюбила соседскую девчонку Хылю: ах, какие волосы; ох, какие глазки; ой, да до чего смышлёная. Вот и долюблилась. Агния решила испытать Хылино счастье: повезёт ей или не повезёт. Как кошкам.

На одной из полок в самом углу стояла чарка, плотно прикрытая глиняной крышкой. В ней хранился порошок зеленовато-серого цвета. Агния долго задумчиво разглядывала его. Пока не проверишь на ком-нибудь, не поймёшь, на что он способен. Рискнула – понюхала. Ничем не пахнет. Вот только, руки и ноги словно маленькими иголками закололо. Случайно? Через какое-то время перестало колоть, вдохнула ещё, опять закололо. Уже ясно, что не случайно. Порошок действует. Надо попробовать угостить Хылю. Любопытно посмотреть, что получится.

И, когда Пыря в очередной раз вернулась от соседей с улыбкой на губах, до чего девчонка интересная эта Хыля, Агния и попотчевала девочку. Сделать это было нетруд-

но. Плетень между двумя хозяйствами – Пыриным и Кисея был общим, щели в нём не такие уж и маленькие, вот Агния и углядела, как трёхлетняя Хыля копалась неподалёку, а уж позвать и дать водицы вкусной попить – было делом несложным.

Результат тяжёлым ударом был не только для Хыли, но и для, тогда ещё, четырнадцатилетней Агнии. То, что дитя не встаёт на ноги, а причина этого – в том напитке, который она собственноручно протянула девочке, Агния не сомневалась. И совесть впервые вонзила острые шипы в сердце девушки. И лежала она несколько дней не вставая, отговариваясь хворобой.

Не хотела ни есть, ни пить и видеть никого не могла. Мать с братом уж и догадываться стали:

– Агния, доченька, слыхала ль, что с дочкой Кисея приключилось? Ноги отказали. Скажи правду, уж не ты ли что сделала?

Сжималась Агния от таких вопросов и молчала.

А потом во сне пришла прабабка. Впервые приснилась Агнии. Во сне она была высокой, красивой и язвительной. Зло смеялась над внучкой:

– Ты думала, ведьмой стать – легко? Здесь особое сердце нужно. И от слёз человеческих ему плесенью не годится покрываться.

Следующим утром Агния встала, хмурая, и с того дня искала случая испытать себя ещё раз. Вскоре он и предста-

вился. Играла Хыля у плетня с котёнком. Агния заметила. Подошла, стала наблюдать. Девочка слабая, котёнок маленький, полуслепой, мяукает. Хыля его гладит, пытается молоком напоить. Котёнок растопырил лапы в разные стороны, когти вытянутые, ещё втягивать не научился. Тьфу, смотреть не на то. А Хыля ласкает его, что-то нашёптывает, к щеке прижимает. Сама грязная, неухоженная. Посмотрела с презрением Агния: «и за кого я столько дней и ночей переживала». Потом воровато оглянулась – никого.

– Поддай-ка мне котёнка, – приказала.

Хыля посмотрела на соседку долгим светлым взглядом.

«Глаза у неё и вправду красивые», – пришла в голову неприятная мысль.

– Ну, давай, что не слышишь?

Хыля ещё не знала, что людям можно отказывать в их просьбах, поэтому протянула котёнка. Не достать. Агния не шелохнулась навстречу. Ждала, когда девочка сама дотянется. Хыля подползла поближе, вытянула руку с котёнком из всех сил. Агния взяла. Посмотрела на несчастное создание несколько мгновений и из всех сил швырнула его в стену амбара.

Казалось, что в следующие мгновения мир застыл в неподвижности. Котёнок лежал у стены без движения, Хыля не совсем понимала, что произошло, но в глазах плескался ужас. Агния прислушалась к своему сердцу... Всё нормально. Она повернулась и пошла в бабкину хату.

29 ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

С тех пор Агния уж не сомневалась в своём предназначении. Но сколько бы девушка не вынюхивала в бабкиной хате, этого было мало. Ей не хватало знаний, а знания ей кто-то должен передать. Размышляла недолго. Конечно, хорошо бы с волхвом связать своё обучение, но понимала, что не получится. Чувствовала, что разные у них пути, к тому же волхв с ней был холоден. Но однажды не выдержала, пошла к нему на поклон. Решила, что если и есть хоть какой-то шанс, она не должна его упустить.

Волхв жил недалеко от капища за густым еловым бором. Дорогу протопали к нему лишь до определённого места, где из одного корня росли две сосны. Далее редко кто проходил. Обычно здесь же у сосен ждали.

Агнии не пришлось ждать. Подходя, она издали заметила его фигуру в светлой одежде. По его виду поняла, что ничего у неё не получится. Не успела и слова молвить, как волхв указал пальцем вытянутой руки на дорогу назад и сказал лишь суровое: «Вон!».

Агния никогда не терпела к себе такого пренебрежительного отношения. Кому-либо другому пришлось бы несладко. Но не в случае с волхвом. Девушка понимала, что это практически единственный человек, который может её легко уничтожить. Поэтому, молча повернулась и ушла. Досада

и гнев от унижения долго пылали в сердце, но тут уж она бессильна. Пока. Может, потом что-нибудь придумает.

Поэтому обратила свой взор немного в другую сторону, хотя направление было всё то же – лес. Туда, где жила бабка Власа.

Про эту бабку Агния слышала с самого раннего возраста. Неизвестно, что правда, а что ложь, но говорили, что бабка Власа поселилась в их лесу, в густой нехоженной его части, относительно недавно. Её якобы выгнали из далёкого селения за колдовство и вредительство. По другой версии – её хотели сжечь родные соплеменники, но она сумела отвести им глаза и сбежать. Разные слышала Агния про неё истории, и по дороге к ней вспоминала их, пытаясь понять, тот ли это человек, который ей нужен.

В селение Власа почти не заходила, но Агния её всё же видела однажды. Была она и впрямь страшная, лицо жёлтое, подбородок длинный, вытянутый вперёд, нос усыпан бородавками, тоже длинный и скрюченный. Агнии показалось, что нос и подбородок со временем встретятся, дорастут друг до друга. Брови густые, нависают над чёрными колючими глазами. Спина согнута, кисти рук коричневые, большие, достают чуть ли не до колен. Одета в чёрное.

Таким страшным пугалом зашла она в деревню, а впереди и вокруг неё бежал и распространялся тревожный шепот: «Власа идёт!» И, если её не всяк до этого момента видел, то имя знакомо было всем. Ребятишки, которыми толь-

ко что полна была улица, торопливо укрывались за ближайшими заборами, и в данный момент было не важно, если забор оказывался чужой. И оттуда сквозь многочисленные щели сверкали живым интересом любопытные глаза. Несмышлёнышей торопливо уносили мамы или няньки, прятали надёжно в хате, чтобы недобрый взгляд не коснулся беззащитного дитя. Самые смекалистые и расторопные хозяйки успевали загнать в ворота жирных хрюшек, до этого беззаботно лежавших в грязных лужах или скликнуть кур во двор. Словом, ведьма шла, селение шуршало.

И лишь у Агнии сердце дрогнуло от предвкушения. Сейчас она увидит интереснейшего человека! Поэтому, вместо того, чтобы скрыться со всеми в ближайшую щель, Агния осталась одна у колодца, где в тот час находилась. Выпрямилась во весь свой, к тому времени уж немаленький, рост и стала ждать приближения чёрной фигуры.

Неприятный вид бабки Власы немного разочаровал Агнию. Все что ли ведьмы со временем становятся такими? Ну, ладно, ей-то рано об этом беспокоиться, отмахнула Агния неприятную мысль. Когда она ещё старой будет, а вот заглянуть по другую сторону мира, которая обычным людям закрыта, получить большую силу и власть было бы очень заманчиво.

Агния вздёрнула горделиво подбородок и прищурила глаза. Она ведь сама не лыком шита, многое умеет, что недоступно простым девкам. Среди прочего, она научилась мыс-

ленно отдавать приказы людям, и те их исправно выполняли. Смешно видеть было, когда, например, она пристально посмотрит по ноги любому, над кем ей придёт в голову сделать насмешку и сказать про себя: «Споткнись!», всё – тот спотыкался, бывало, падал. Или сказать кому-то: «Смотри!» и показать раскрытые пустые ладони или на пространство за спиной, и человеку несколько мгновений видится то, чего нет. Это и многое другое Агния сама научилась делать. И, глядя на приближающуюся Власу, оценивала её. А действительно ли она так могущественна, как говорят. Языки у людей без костей, всему верить глупо.

Власа поравнялась с Агнией и остановилась. Тёмные, почти чёрные, пронзительные и недобрые глаза с одной стороны, и тёмно-синие, с фиолетовым оттенком, вызывающе прищуренные – с другой, встретились. Несколько мгновений между ними, казалось, происходил немой диалог. Неизвестно, о чём там думала старая ведьма, но Агния через какое-то время вдруг почувствовала, как мир потерял свои привычные формы, и она поплыла. В ушах раздавались какие-то голоса, множество голосов, они разговаривали вроде на человеческой нормальной речи, но разобрать отдельные слова никак не получалось. Словно что-то мешало сосредоточиться. Перед глазами запрыгали красные шары, в каждом из которых затаилась неясная тень. Волна, захлестнувшая её была настолько мощной, что вернуть привычные рамки не было возможности. Она побарахталась какое-то время, потом сда-

лась. Когда мир вновь обрел привычный вид, Агния поняла, что, находясь в этом состоянии, ей казалось, что прошло значительное количество времени, на деле же – несколько мгновений. Петух, запев своё «кукареку» ещё до её помрачения, закончил его, когда она уже пришла в себя.

«Ах ты, старая карга! – с невольным восхищением подумала Агния, пытаюсь вернуть сознание в привычное русло. – Как ты меня закрутила».

Власа усмехнулась, словно угадала мысли молодой красавицы, потом вытянула большую коричневую лапу и несколько раз согнула скрюченный указательный палец.

«К себе зовёт?» – удивилась Агния. Но бабка уже отвернулась и пошла далее. Агния в недоумении смотрела ей вслед. «Показалось? Или она меня позвала?»

И теперь, спустя некоторое время, получив от ворот поворот у волхва, она шла к Власе. Дорогу к ней выведала у наивной и говорливой Лябзи. Та побывала у Власы, и теперь то, что полагалось держать в секрете, знали все. А именно, Лябзя ходила жениха себе привораживать. Двадцать пять годочков, уж не раз слышала обидное «седая макушка», хоть и седых волос у неё ещё и не было, это просто белые такие, похожи на седые. Вот и отправилась Лябзя за счастьем в тёмный лес.

Агния сочувственно кивала, слушая Лябзины приключения вполуха, невзначай сворачивая речь куда следует, и, более-менее, выведала путь-дорогу.

Конечно, на деле оказалось не совсем так, как следовало из объяснений Лябзи, поплутать пришлось, но в конце концов вышла на поляночку. Под сосной, казалось, куча хвороста навалена. И не догадаться, что это и есть землянка Власы, если бы не четыре кола, увенчанные черепами каких-то непонятных животных, воткнутые в землю и образующие, по видимости, границы участка.

Агния толкнула скрипучую дверь и согнувшись в три погибели перешагнула через порог. Первое, что она услышала, были такие слова: «Долго же ты собиралась, красавица». Агния поняла, что на этот раз она не ошиблась дверью.

30 В ПРОШЕДШЕМ ГОДУ

Если бы не Калина, Хыля давно превратилась бы в самую последнюю замарашку.

– Какие у тебя красивые волосы, – услышала Хыля и сердечко радостно забилося: «Неужели, правда?»

Правда. Правда и то, что пришлось долго распутывать колтуны, вычёсывать вшей и отмывать Хылю в нескольких водах.

Семья Кисея большая, у каждого много забот, а на Хылю тратить время никому не хотелось. Что проку? Девка всё-равно пропащая. Только вот отец иногда усаживал дочь на колени, и сидели они, прижавшись друг к другу, не умея привязанность выразить по-другому. Но отец – самый заня-

той человек в семье, где дел неспор, там и он, поэтому такие минуты выпадали редко. Остальные Хылю предпочитали не замечать, раздражались, когда случалось наткнуться на неё. Вот и стала она держаться подалеже от чужих ног. Хотя ноги эти всё же не чужих людей, а своих родственников, но всё равно, уж больно на пальцы наступают. А плакать нельзя, а то ругаться начнут.

Постепенно Хыля нашла себе место, где меньше всего мешала – под широкой лавкой в бабьем куте. Это место становилось её постоянным: там и спала, укывшись тряпками, там и ела, что бросят со стола, а если забудут бросить, наловчилась у домового из миски таскать. Про домового мать не забывала.

Но на её счастье старший брат привёл в дом жену.

Была Калина из чужого селения, про Хылину историю ничего не знала, и в день свадьбы никто не удосужился их познакомиться. И, когда на другой день молодая жена в одиночестве хозяйничала в бабьем куте, то не ведала, что под лавкой живёт её золовка. А золовке уж давно в туалет хотелось, а вылезти как – не знала, человек-то новый в доме, ещё пуще своих ругать начнёт, что под ногами мешается, вот и терпела, сколько могла, украдкой наблюдая за этим новым человеком.

Калине не впервой готовить на большую семью, сама из таковой, но в первый раз у чужой печи тревожно. Хочется себя показать свекрови, свёкру, мужу. Муж. Смешно. Ещё

недавно не ведала, не знала, что долюшка её будет далеко от родимого дома. Да вот повадился к ним в село добрый молодец, и полюбилась ему девица Калина. Мать сначала заплакала, мол, как же тебе донюшка, вдали от отца-матери жить. Но отец посмотрел на дочь, усмехнулся и сказал: «Калина наша нигде не пропадёт».

А чего пропадать? Везде добрые люди найдутся. Све-кровь, правда, неласковая, смотрит хмуро. Свёкр ничего, ви-дать, не злой. А Тихомир глаз не отводит, всё норовит погла-дить ненароком. Вспомнила своего молодого ласкового му-жа и покраснела.

Надо постараться нынче похозяйничать так, чтобы все бы-ли довольны.

Но новая обстановка отвлекала Калину. И в который раз она стала обводить взглядом избу: красный угол, стол, ска-терть, вчера была другая, нарядная, сегодня повседневная; мужской кут; её сундук притулился в бабьем углу; лавка.

Тут внимание её привлекло неясное шуршание со сторо-ны лавки. Нахмурившись, она посмотрела вниз. Вдруг глаза её страшно расширились: из-под лавки медленно выползла небольшая серая лапа, похожая на человеческую, следом по-казалось что-то волосатое рыже-серое. Калина истошно за-визжала и запрыгнула на скамью. Лапа убралась назад под лавку вместе с рыжей башкой.

«Что тут у них?» – перепуганно думала Калина, чувствуя, что сердце её готово выпрыгнуть из груди. Чужая душа – по-

тёмки, чужой дом – тем более.

Под лавкой было тихо. Калина оглянулась в поисках подходящего оружия. Спрыгнула со скамьи, бросилась к печному закутку, выбрала самый большой ухват и нерешительно подошла к лавке:

– Вылазь, кто там прячется, – девушка постаралась, чтобы голос звучал уверенно и грозно. Но в ответ – тишина. – Вылазь, а то рёбра пересчитаю, – Калина сунула ухват под лавку и пошебуршала там в тряпках.

– Не надо, тётенька, я сейчас вылезу...

Так и познакомились Хыля и Калина. Так и началась их дружба. Хыля напомнила Калине любимую младшую сестру, а для Хыли большим счастьем стало, что она теперь кому-то нужна.

Когда вечером семья Кисея собралась в хате, Калина всё наготовила, что полагалось, но пыл всем угодить подостыл. Всё оставшееся время она приводила в порядок Хылю. Сундук её стоял, разинув крышку, и Калина копалась в приданом, ища подходящие вещи, из которых она смогла бы сшить рубахи и сарафаны для своей маленькой золовки. Тихомир заикнулся было, что напрасно она тратит и приданое, и время на калеку, но в ответ увидел сквозь узкие щелочки глаз такие злющие искры, что встревоженно отошёл. Такой свою хохотушку Калину он ещё не видел. Кисеиха молча постояла, посмотрела, потом махнула рукой: «Делайте, что хотите!» и отошла. Многочисленные братья и сёстры с удивлени-

ем поглядывали на вымытую и расчёсанную Хылю, сидящую непривычно на лавке, они-то думали, что она полудурочка, а она вроде как и ничего. А Кисей промолвил тихо, обращаясь к новоиспечённой невестке:

– Дочка, что ж ты в потёмках шьёшь, сейчас я тебе лучину зажгу. А то и отдохнула бы. Чай, заморилась с непривычки.

– Что ты, отец, разве я непривыкшая? Нисколько не заморилась.

31

Увидев направляющуюся в сторону леса Агнию, Василиса проследила за девушкой взглядом. Интересно, надолго ли она? Ну, в лес, обычно, на короткое время не ходят, а значит, тётку Пырю можно застать дома одну. У Василисы давно появилось желание поговорить с матерью Еремея, наверное, пришло время это сделать немедленно. И как только Агния скрылась за деревьями, Василиса решилась.

Когда-то на тётку Пырю Василиса смотрела как на свою будущую свекровь, и, в отличие от остальных членов семьи, испытывала к ней тёплые чувства. С Агнией же разговора не получалось, несмотря на то, что они почти ровесницы. И дружеские отношения не завязывались. Как ни старалась Василиса, была Агния к ней холодна и высокомерна. И Василиса отступила.

Пыря управлялась во дворе. Увидев входящую в ворота

девушку, оставила дела. Некоторое время помолчали, глядя друг на друга. Наконец, Пыря обречённо вздохнула:

– Ну проходи, коль пришла. Усаживайся, в ногах правды нет.

Василиса прошла к широкой завалинке, села. Пыря некоторое время постояла перед девушкой, потом села рядом.

– Догадываюсь, зачем пришла. Да вот не знаю, могу ли я тебе всё рассказать.

Василиса взглянула таким ясным чистым взглядом, что Пыря сдалась.

– Ладно, что уж от тебя скрывать. Тебе расскажу. Но дальше твоих ушей не должен мой сказ пойти. Такова воля самого Еремея. Я и тебе не знаю, как сказать. Да, видно, как есть...

Было понятно, что Пыря тяжело колеблется, не зная, на что решиться, поэтому Василиса терпеливо ждала.

– Агния все эти дела вытворяла. С самого детства с ней сладу не было. То кошки, то собаки, то коровы. Всё ей мешало, всех извести, что ли хотела?.. Ох, Василиса, беда с девкой. Мож, она и сама не виновата, мож это прабабка верховодит. Слыхала небось, что моя бабка, а Агнии, получается, прабабка, ведьмой была? Вот и Агния всё норовит на тую дорожку вильнуть. Мы с Еремеем не знали, как и защитить её, чтобы люди не догадались, кто это чудит в деревне. Коль люди б узнали, они бы её... Даже и не знаю... Страшно подумать. Но, если кто и догадывался, мне об этом неизвестно.

Знаю только, что Еремей многое мне не говорил, но сестру защищал. Сестру... Тут ещё беда. Агния не могла терпеть, если Еремею кто-то люб был. Всё он должен был её на первое место ставить. А тут ты встретила. Еремей старался скрыть от Агнии, да разве скроешь? Как она догадываться стала, так сама измучилась и нас вымотала. Мы уж следили за ней, кабы чего не натворила. Боялись, что что-нибудь надумает. Вот и надумала. Опоила его каким-то зельем. Ведь Агния не считала Еремея своим братом... А, если б и считала, може, и это её не остановило. А бабушка Косуха случайно увидела их тогда и раззвенела добрым людям, созвала всех, в било стала колотить. Только напрасно старая Косуха людей потревожила, потому как ничего у Агнии не получилось. То ли перестаралась с зельем своим... А, може, он выпил больше, чем полагалось, вот оно его и усыпило. Напрасно Агния перед ним изгалялась, не по её вышло. А народ возмутился. Негоже брату с сестрой в стогу сена кувыркаться. Еремей тогда на себя всё взял, Агнию снова от ответа отвёл. А сам пострадал. Выгнали его из селения. Такие дела не прощаются. А я промолчала, хоть и знаю как было, потому что тогда сразу прибежала на место. Не могла добудиться Еремея. А когда он очухался, ничего не помнил, не ведал, что Агния вытворяла. Я ему рассказала, он и повинился невиновный перед народом. И напраслину на себя возвёл, что над сестрой хотел ссильничать, а бабушка Косуха, мол, сослепу не разглядела, и Агния ни в чём не виновата... Вот и остались мы без

Еремея. Где он сейчас? Живой ли?.. А перед тем, как уйти, признался мне по тихому, от Агнии тайком, что боится за тебя. Что кому-то надо уходить. Не жить вам втроём. Агния не даст. А коли его рядом не будет, так и Агния от тебя отстанет. Вот так-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.